

Жертва первой ошибки

Автор:

Мария Воронова

Жертва первой ошибки

Мария Владимировна Воронова

Суд сердца. Романы М. Вороновой #5

Ирине так нравится в декретном отпуске, что она подумывает оставить судейское кресло и посвятить себя семье. Но если ты востребованный специалист, работа сама тебя найдет. Друг Кирилла пишет диссертацию по психологии серийных убийц и просит ее поделиться опытом, и неожиданно для самой себя Ирина оказывается втянутой в расследование череды странных смертей молодых женщин. Чтобы узнать правду, нужно объединиться с прокурором Макаровым, беспринципным чиновником, столкновение с которым едва не погубило карьеру Ирины.

Мария Воронова

Жертва первой ошибки. роман

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2020

© М.В. Виноградова, текст, 2020

?

?

- С книгами надо обращаться аккуратно, - сказала Егору Гортензия Андреевна.

Сын застыл на пороге, прижимая к груди пухлый потрепанный том.

- Читай, но помни, что книги мы берем только чистыми руками, а если хотим отметить, где остановились, то пользуемся для этого специальной закладочкой. Страницы загигать нельзя.

- Береги книгу, источник знаний, - пробормотал Виктор, не открывая глаз.

Ирина улыбнулась:

- Иди читай, сынок.

Егор побежал к краю участка, где Кирилл, муж Ирины, повесил гамак между удачно растущими рядом старыми соснами, дававшими широкую, но не густую тень.

Ирина и сама собиралась в редкие часы досуга полеживать в этом гамаке с книжечкой, однако толстые белые веревки впивались в тело даже сквозь несколько слоев байкового одеяла, а потому пришлось отказаться от этой идеи. А вот сыну эти мелочи были ни о чем. Во-первых, он в три раза меньше весил, а во-вторых, погружаясь в текст, совершенно выпадал из реальности.

Наступило сонное послеполуденное время, когда жара приятна, только если ничего не делать, и все расположились на лужайке под сенью старого клена. Гортензия Андреевна взяла в шезлонге, Ирина с маленьким Володей сидели на старом ватном одеяле, гость Виктор лежал на раскладушке, угрожающе

просевшей под его мощной фигурой. Ирина улыбнулась. Раскладушка была ржавая, брезент ее побелел и истрепался, как старый парус, если сейчас прорвется, то появится хоть законный повод выкинуть этот хлам.

Гортензия Андреевна вдруг энергично тряхнула головой:

– Господи, что ж я... Егор, деточка, читай спокойно, не обращай на меня внимания.

– Спасибо, Гортензия Андреевна, – донеслось с гамака.

– Вы уж меня останавливайте, Ирочка... – явно смущаясь, проговорила старая учительница, – ведь это не я придираюсь к вашему сыну, а мой профессиональный условный рефлекс.

Виктор фыркнул и уронил монографию, которую пытался читать, себе на лицо, да так и оставил. Получилось что-то вроде домика.

– Видишь ребенка – сделай замечание, – продолжала Гортензия Андреевна, – не знаю, как долго бедный мальчик выдержит мой напор.

– Все в порядке, Гортензия Андреевна, – снова попыталась успокоить ее Ирина.

Гортензия Андреевна вздохнула:

– Ох, не знаю, насколько приятной гостьей я окажусь в вашей семье, ведь, кажется, у педагогов профессиональная деформация еще хуже, чем у работников правоохранительных органов.

Ирина пожала плечами:

– Трудно сказать. У всех, наверное, так, кто вкладывает в свой труд душу. Взять хоть врачей... А, Виктор?

– Аюшки? – из-под домика книжного переплета показался круглый глаз цвета весеннего льда.

– Как у вас с профессиональной деформацией?

– У нас нет.

– Вообще?

– Ни крошечки.

– Правда?

– Чесслово... – Виктор широко улыбнулся и сел, а Ирина замерла, ожидая треска рвущегося брезента, но в этот раз обошлось.

– Невозможно поверить...

– Ни малейшей деформации, – повторил Виктор, – просто через десять лет работы человек превращается в животное, умеющее лечить людей, и все. И нема проблем.

Гортензия Андреевна и Ирина с удивлением закивали.

В знойной тишине послышался шелест велосипедных колес по гравию. Ирина обернулась. В открытую калитку технично въезжал Кирилл, руля тяжелым великом одной рукой. В другой он на отлете держал трехлитровый бидон белой эмали с маленьким черным сколом возле донышка.

– Ни капли не пролил, – отрапортовал Кирилл Виктору, с неожиданной бодростью ринувшемуся ему навстречу. Книга упала в траву, взмахнув тонкими сероватыми страницами.

– Вот, пожалуйста, пример аккуратного обращения с книгами, – буркнула Ирина, поднимая томик. «Психиатрия», учебник для медицинских вузов. Не поздновато ли взялся за него адъюнкт Виктор Зейда? Давно пора читать не буквари, а серьезные монографии.

Передав бидон Виктору и поставив велик возле забора, Кирилл извлек из кармана брюк плоский газетный сверток, и тонкий аромат раннего лета тут же

исчез под натиском рыбной вони.

– Я тоже, пожалуй, выпью стаканчик пива, – сказала Гортензия Андреевна, отложив вязание, – и все же мне кажется, молодой человек, что вы клеветаете на себя и на свою профессию.

– Не-а! Мы на самом деле становимся как коты. Ложимся на больное место – и проходит.

Виктор проверил, устойчиво ли установил маленький плетеный столик, и радостно засмеялся.

– Хотя бы умные коты?

– Иногда и так бывает.

Кирилл развернул газетку, вызвав такую волну рыбного смрада таранки, что Ирина вскочила и подхватила Володю на руки.

– Коты такое точно есть не станут.

– Что, Ирочка?

– Я говорю, если вы сожрете эту падаль, то я больше никогда никаких кулинарных претензий на свой счет не принимаю, – сказала она сварливо.

Кирилл деловито постучал рыбиной по краю Витиной раскладушки и заметил, что это самый деликатес.

Ирина пожала плечами и вместе с младшим сыном отступила в тень. Жаркая июньская суббота – самое время рабочему человеку выпить пивка в мужской компании. Расслабиться, поговорить о таких вещах, которые глупые бабы не понимают, да и не должны понимать. Бессмысленно перебрать железки в гараже, обхаять тещу, всласть поматериться – все это нужно человеку для разрядки, и обычно Ирина сама гнала Кирилла тусоваться с друзьями прежде, чем он успевал с нею заскучать. Но теперь ситуация изменилась: она живет с детьми на даче, а Кирилл в городе, и так будет все лето, потому что отпуск он

отгулял, если так можно назвать его вахту с детьми, пока Ирина выходила на работу по производственной необходимости.

Целых три месяца они будут видаться только по выходным, и то если падкий на работу Кирилл не возьмет сверхурочные или халтуру, и, честно говоря, хотелось бы проводить это время вместе, без посторонних. Ирина предполагала, что семейной идиллии будет мешать Гортензия Андреевна, приглашенная на весь отпуск, но старушка оказалась сама деликатность, а беда, как водится, пришла совсем с другой стороны.

В конце мая, еще до отъезда из Ленинграда на дачу, с Ириной связался профессор психиатрии, который не только выступал экспертом на ее процессах, но и довольно ретиво ухаживал за ней на нескольких официальных банкетах, когда она была еще не замужем. Любовниками они не стали, друзьями тоже, но зародилась между ними того рода симпатия, когда люди не видятся годами, но знают, что оба будут рады встретиться и помочь друг другу при необходимости.

Ирина сразу предупредила, что сидит в декрете, но воодушевленный профессор заявил, что так даже лучше. Больше времени останется у дорогой Ирины Андреевны размышлять над интереснейшим проектом.

Положив трубку, дорогая Ирина Андреевна задумалась, на какой вообще планете живут эти люди – мужчины, если к шестидесяти годам, имея множество детей и внуков, остаются при убеждении, что декретный отпуск – лучшая пора для научных размышлений в жизни женщины.

Готовясь принять у себя профессора с соратниками, Ирина твердо решила, что дело ограничится одной встречей. Выслушает, подскажет, сведет с компетентным человеком – и все, до свидания. В конце концов, у нее своя научная работа есть, настолько заброшенная, что Ирина уже почти забыла, что учится в заочной аспирантуре.

Профессор пришел в компании мужчины средних лет с мясистым носом и сочными губами и огромного парня, похожего на гранитный монумент. Старшие гости галантно припали к ручке, а парень хмуро стоял на пороге, зажав под мышкой большую коробку конфет. Пучок анемичных тюльпанов казался совсем хилым в его могучей руке.

Ирина весь день вылизывала квартиру и готовила парадный ужин, чтобы не ударить в грязь лицом перед новыми знакомыми, сильно устала, и поэтому гости сначала вызвали у нее раздражение.

Парень показался туповатым, а Михаил Семенович Башмачников, как представил профессор своего товарища, понравился еще меньше. Рот, решила Ирина, слишком уж чувственный для пожилого человека, а такой пронизывающий взгляд, может, и необходим для усмирения психов, но в дружеской компании лучше его выключать.

Однако мало-помалу завязалась приятная беседа, и Ирине стало стыдно за свою реакцию полумойки, без разбору ненавидящей всех, для кого ей приходится наводить порядок.

Михаил Семенович с чувством похвалил ее пирог, молодой товарищ ничего не сказал, зато с аппетитом съел три больших куска, и раздражение Ирины совершенно улетучилось, тем более что доктора пришли с действительно интересной идеей.

Проблема маньяков или серийных убийц гораздо более актуальна, чем это готова признать советская наука. Пока даже западным исследователям точно не известно, что именно служит причиной появления маньяков: наследственность, воспитание, бытовые условия или что-то еще, но ясно одно – число их растет и будет увеличиваться дальше.

За рубежом давно ведется активная научно-исследовательская работа по этой теме, специалисты пытаются понять, не только откуда берутся эти выродки, но и кем они являются. Насколько возможно считать их нормальными и вменяемыми, какое наказание допустимо к ним применять. Темы интереснейшие, но поведение маньяков настолько дико, что не укладывается в марксистско-ленинские рамки, следовательно, попадает в слепое поле советской науки. Тему могут и утвердить, почему нет, только какими бы ни оказались результаты, из них придется сделать единственно верный вывод: патологические убийцы – явление сугубо спорадическое, рудимент и атавизм, который с развитием социалистического общества будет сходить на нет, а к победе коммунизма уже совершенно отомрет.

Впрочем, Михаила Семеновича интересовала не чистая наука, а прикладной аспект. Каким-то образом он выяснил, как обстоит дело в США, которые лидируют по числу серийных убийц на душу населения, а тупиковый путь развития, по которому движется эта страна, не позволяет надеяться, что торжество коммунизма искоренит данную проблему вместе с множеством других. Поэтому бедным капиталистам приходится бить по хвостам и поправлять свои дела менее радикальными способами, в частности, создать институт так называемых профайлеров, уникальных специалистов, изучающих психологию серийных убийц, закономерности их поведения, чтобы потом по картине преступлений составить представление о личности убийцы и подсказать следователям, где и кого искать.

Как рассказал далее Михаил Семенович, он, поразмыслив, решил, что эта практика, хоть и буржуазная, может оказаться полезной и для нас.

К сожалению, обычные методы розыска часто оказываются неэффективны для поимки маньяка. Хорошо, если удастся схватить его на месте преступления, или находятся свидетели, запомнившие какую-то значимую примету, но подобная удача выпадает редко. Маньяки обладают звериной осторожностью и чутьем, наносят удар и растворяются в темноте, и попробуй найди их в многомиллионном городе, ведь они не принадлежат к кругу общения своих жертв.

Психологический портрет тоже, конечно, не отпечатки пальцев и не номер машины, но сыщики бывают рады любой зацепке.

Так почему бы не попробовать? Тем более как раз поступил на кафедру новый адъюнкт, который пока еще не определил сферу своих научных интересов. Официально занятия начнутся только осенью, так что есть целое лето изучить вопрос и понять, есть ли перспектива и в каком направлении двигаться. Идея дерзкая, опасная, зато у парня появляется шанс стать уникальным, единственным в своем роде специалистом, а может, и основателем целого научного направления.

Ирина покосилась на молодого человека. Будущий корифей и основоположник так увлеченно болтал с Кириллом на другом конце стола, что, кажется, забыл, зачем сюда пришел. От улыбки его лицо с крупными чертами сделалось совсем простым и даже глуповатым. Похоже, парень пороку не выдумает, но в целом замысел Михаила Семеновича показался любопытным, и, по мнению психиатров,

Ирина могла существенно помочь им в реализации этой новаторской идеи, ибо проявила себя не только грамотным судьей, но и человеком с мощным аналитическим мышлением и развитым психологическим чутьем. Все были уверены, что подсудимые – убийцы, а Ирина усомнилась и не ошиблась. Более того – в одном случае истинный маньяк был изобличен только благодаря ее блестящей догадке.

Быстро взглянув на мужа, Ирина кашлянула. Кирилл – человек уравновешенный, но не нужно лишний раз напоминать ему тот кошмар. Михаил Семенович намек понял.

– Мы отчаянно нуждаемся сейчас в людях с нестандартным мышлением, – воскликнул Башмачников, – ведь мы ступаем на неизведанную территорию, не имея при себе, образно говоря, ни карт, ни компаса!

– А как же наработки американских коллег?

– Так разве нам кто даст с ними ознакомиться? Об этом смешно даже мечтать...

Ирина вздохнула. Железный занавес, может, от чего и защищает, но сколько забирает времени и сил у людей, вынужденных изобретать велосипед в отдельно взятой стране! А сколько создается неловких ситуаций, когда научный прорыв совершается почти одновременно и там, и тут – и попробуй установи истинного первооткрывателя! Ну и плагиаторов полно, не без этого, конечно.

Понятно, что вся оборонка должна быть засекречена, но почему нельзя поделиться опытом в таком важном и нужном деле, как поимка маньяков? Кому от этого станет хуже, кроме самих маньяков?

– Слишком уж все по-партизански, – вздохнула Ирина.

– А все великие открытия начинались в подвале на коленке, дорогая вы моя, – профессор саркастически засмеялся, – и, как правило, людьми, понятия не имеющими, куда их это заведет. Нельзя совершить прорыв, заранее зная, чем все кончится.

– Наука, как революция, – вздохнул Михаил Семенович, – замышляют гении, осуществляют фанатики...

– А пользуются плодами проходимцы, – заключил профессор с горькой улыбкой.

Ирина раньше не слышала этого афоризма, но постеснялась спросить, кто его автор. Не хотелось разрушать образ мудрой и на редкость культурной женщины.

Михаил Семенович продолжал восхвалять ее ум и способности, так что Ирина невольно приосанилась, хотя и понимала, что он расточает комплименты, не потому что впечатлен, а просто без помощи сотрудника правоохранительных органов докторам никак не обойтись.

Психиатры крайне редко признают маньяков-убийц неменяемыми. Хорошо это или плохо, верно или нет – не Ирине судить, важен сам факт: в специализированных психиатрических больницах находится дай бог если десятая часть от всех пойманных преступников этого рода, и бог знает, какой ничтожный процент от истинного их количества. Выборка, прямо скажем, не репрезентативная. Есть и другое соображение – хоть среди культурных людей принято презирать советскую психиатрию, представители которой, цепные псы режима в белых халатах, только тем и заняты, что утрамбовывают инакомыслящих в сумасшедшие дома, но это скорее миф, чем истина, по крайней мере, сейчас. Может, двадцать лет назад было иначе, но Ирине казалось, что истории о карательной психиатрии, эти хиты кухонных бесед, сродни детским страшилкам про гроб на колесиках и черную руку. Границы всегда расплывчаты, в природе, пожалуй, не встретишь ни одного резкого перехода, всегда есть промежуточное звено. Грибы, например, объединяют в себе свойства и животных, и растений, между мужскими и женскими особями иногда появляются гермафродиты, точно так же нет четкого водораздела между нормой и патологией. Как определить, кто этот неугомонный румяный дядечка, бомбардирующий все инстанции жалобами на двадцати листах и нелепыми судебными исками? Больной человек или просто сволочь? Как с ним обойтись, терпеливо отказывать в возбуждении дела или направить за медицинской помощью? Не всегда бывает просто это решить, особенно если человек сходит с ума на почве прекрасной и близкой народу идеи. До последнего будешь верить, что он пламенный борец с режимом, а не шизофреник. Так, например, у патологического ревнивца жена рано или поздно догадается, что ее спутник жизни слегка повредился умом, а мама останется непоколебимо убеждена, что с «сыночкой» все в порядке, это змея-невестка гуляет направо и налево. Каждый

верит в то, во что хочется.

Наверное, бывали случаи, когда психиатры в такой неясной, пограничной ситуации решали в пользу болезни, а в массовом сознании это закрепилось в форме мифов и легенд, как совершенно здоровые люди попадали в психиатрические застенки, где их таблетками быстро доводили до полного ничтожества.

Возможно, гражданский долг культурного человека велел верить этим сплетням, но Ирина часто вынуждена была заслушивать экспертные заключения психиатров в суде и пришла к выводу, что это умные, компетентные и ответственные люди, разбирающиеся в нюансах человеческой души, и завет Гиппократова «не навреди» для них не пустой звук.

Наверняка они признавали одних маньяков вменяемыми, а других – нет не методом научного тыка и не только по соображениям конъюнктурного плана. Хотя без блата у нас, конечно, никуда, но далеко не у всех убийц есть высокопоставленные родственники, маньяки скорее порождение низших слоев общества.

В общем, надо понимать, что убийцы, признанные невменяемыми, – это обычные шизофреники, которых на преступления толкали голоса в голове, императив, которому больной не в силах сопротивляться без медицинской помощи. Как ни кощунственно это звучит, но преступный путь этих несчастных – всего лишь симптом болезни, тяжелой, но хорошо изученной. Шизофреники себя не контролируют, поэтому попадают довольно быстро и большого интереса для исследования Михаила Семеновича не представляют.

А вот вменяемые маньяки – совсем другое дело. Их к убийству побуждает что-то совсем другое, какая-то темная жажда, ужас которой они осознают, но все равно не могут ей сопротивляться. Это особая категория преступников, которые не вписываются ни в сообщество нормальных людей, ни в пестрый мир душевнобольных.

Закономерности их поведения надо изучать, только как, если все они либо еще не изобличены, либо расстреляны? Остались, конечно, истории болезни после стационарных судебно-психиатрических экспертиз, но это совсем не то.

Надо поднимать уголовные дела, искать по всей стране маньяков, которых еще не успели осудить и казнить, разговаривать с ними, а в идеале – участвовать в текущих расследованиях дел такого рода. Грандиозная задача, особенно если учесть, что тема диссертации не только не утверждена, но даже и не сформулирована, и все неофициально. Если завтра поймают маньяка, допустим, в Актюбинске, кто оплатит энтузиастам туда дорогу? Ладно, один раз за свой счет сгоняют, а следующий злодей объявится во Владивостоке, тогда как?

В принципе, при большом желании денежные вопросы всегда можно решить, но как быть с полномочиями? Без звонка сверху в следственный изолятор не пустят, и ни один здравомыслящий следователь не позволит частному лицу путаться у себя под ногами.

Скорее всего, гостям нужен не столько ее аналитический ум и невероятная интуиция, сколько административные возможности судьи городского суда.

Ирина и правда за годы работы обросла множеством полезных знакомств, но никогда ими не злоупотребляла и даже ради великой цели не хотела начинать. Принимать на себя груз обязательств перед людьми ради чужих научных достижений – сомнительная доблесть, так что она предпочла не понять, что гости от нее хотят, а восхитилась их научной дерзостью и прозорливостью и заварила свежего чайку.

Пару недель все было тихо, наверное, давешние визитеры поняли, какую сложную задачу поставили перед собой, слегка охолонули и отказались от роли первопроходцев. Вот и слава богу, решила Ирина, совесть которой периодически вскидывала голову и заявляла, что, когда люди делают важное и нужное дело, долг порядочного человека всячески им содействовать, а не оставаться в стороне.

Несколько дней она еще вздрагивала от телефонных звонков, а потом успокоилась, погрузилась в семейные дела и забыла о психиатрах, как вдруг, вернувшись с вечерней прогулки, обнаружила на своей кухне не кого иного, как Витю Зейду, невозмутимо попивающего коньячок в компании Кирилла. Поллитровая бутылка казалась в его могучей руке глазной пипеткой, так что Ирина не стала ругать мужчин за пьянство, а молча опустилась на табурет.

Кирилл объяснил, что Витя тоже бывший подводник, как и он, стало быть братишка, и ничего тут не попишешь.

Понимая, что для мужиков боевое братство выше всех божеских и человеческих законов, Ирина нарезала лимончик, открыла банку шпрот и занялась ужином, попросив докончить бутылку прежде, чем Егор выйдет к столу.

- Нема питання, - заверил Витя, наполняя рюмки.

- А я раньше думала, что в подводники только маленьких берут, - улыбнулась Ирина, - а вы вон какие.

- Та да, - Зейда рассмеялся и, подняв рюмку, галантно привстал, - Кирюха еще терпимо, а мне РБ из двух комплектов шили, а когда я по трапу поднимался, у командира уши закладывало. Шо робити...

Замахнув рюмку, адъюнкт продолжил костерить своего научного руководителя, который дюже богато о себе понимает, выдумал бред, а бедному Вите теперь расхлебывай.

- Тема действительно непростая, - заметила Ирина, взяв для гостя на четыре картошины больше обычной нормы. Подумала и добавила еще одну.

- А я о чем? - воскликнул гость. - Надо как-то утвердить, согласовать, но нет, зачем, если можно Витю сразу под танки кинуть?

- Участь наша такая, аспирантская, - вздохнула Ирина, - вы, Витя, изучите пока литературу, какая есть, поднимите уголовные дела, не привлекая к себе лишнего внимания, а там потихонечку поймете, стоит оно того или нет. Вдруг пока не прорисовывается никаких закономерностей в поведении маньяков? С чем вам тогда идти к следователям? Зачем встречаться с преступниками, если вы не знаете, что хотите доказать? Мне кажется, не стоит торопиться на полевую работу.

Витя разлил остатки коньяка:

– Якби не мой дурень, то и я б смеялся, – хмурясь, сказал он. – Семенычу все разом подавай, будто пригорает у него. Беги туда, беги сюда, налаживай контакты. На все один ответ: «Если больного лечишь, то он поправляется!» И зырит мудро, будто оно и в самом деле так.

Ирина улыбнулась. Негодование Вити было ей понятно. Парень предвкушал еще три года беззаботного студенчества, только с меньшим количеством экзаменов и зачетов, а тут вдруг научный руководитель, злыдень, требует интенсивной работы, безобразия какое.

Только Михаил Семенович прав. Если они хотят продать тему в научном сообществе, нужно предъявить этому сообществу гораздо больше, чем туманное утверждение, что маньяки – это явление природы, следовательно, имеют свои закономерности, которые надо изучить. Нет, практическая значимость Витиной работы должна очевидно превосходить ее идеологическую шаткость, только тогда появится хоть какая-то гарантия, что дерзких соискателей... Ну хотя бы не смешают с дерьмом, и на том спасибо.

– Мы же поможем, Ирочка? – улыбнулся Кирилл.

Она замаялась. Возникло сильное подозрение, что Витя вовсе не так прост, как хочет казаться, и весь его сиротский образ служит к одному – чтобы Ирине захотелось взвалить на себя часть его работы. Самой шуршать в архивах, искать подходящие дела, обобщать и преподносить на блюде идеи, которые должны родиться в Витиной собственной голове. Наживка закинута грамотно, не придерешься. Сначала подкормил комплиментами, добавил сопричастности к великой цели, а теперь косит под дурачка – ах, без вас, Ирина Андреевна, прямо не знаю, что и делать. Но и она не вчера родилась и способна победить врага его же оружием. Тоже, слава богу, умеет дурочку включать не хуже прочих.

Отрегулировав газ под картошкой, Ирина обернулась.

Муж смотрел на нее с надеждой, Витя, жмурясь от удовольствия, доедал вчерашний суп, который она утром хотела вылить, но пожалела. Бутылка была убрана, рюмки помыты и спрятаны в сервант, одним словом, придраться не к чему.

Пришлось звонить Севе, оперативнику и мужу лучшей подруги, и просить, если вдруг появится что-то похожее на патологическое убийство, сообщить об этом известному психиатру Виктору Зейде, уникальному специалисту по маньякам.

...Почему-то больше всего думаешь именно о том, что больше всего хочется выкинуть из мыслей. Ирина с удовольствием бы сосредоточилась на простых заботах кормящей матери, но вместо этого без конца гоняла в голове информацию про всех известных ей маньяков, пытаюсь найти хоть какую-нибудь закономерность в их поведении.

Ничего не вырисовывалось. Основная проблема, что в контексте исследования Башмачникова и Зейды нужно выявить не особенности характера, а внешние стигмы, которые не скрыть так называемой маской нормальности, и для этого необходимо собрать огромный массив данных, случаи со всей страны, а в идеале – со всего мира.

Лично ей хорошо известны два преступника, еще о троих рассказывали коллеги. Кажется, новый прокурор города обязан своей головокружительной карьерой тому, что вычислил маньяка, много лет наводившего ужас на небольшой промышленный городок.

По пальцам одной руки можно пересчитать, а нужны сотни случаев. Нет, пожалуй, надо посоветовать Вите не валять дурака, а написать стандартную диссертацию, крепкую, серую и бесполезную, как придорожный валун.

Но советы не деньги, ими нужно делиться, только когда тебя десять раз попросят.

Зейда больше не вовлекал Ирину в свои научные проекты, но все время крутился на дальней орбите ее жизни. То жена Севы позвонит, отругает, зачем отправила к ней в семью этого посла алкоголизма, то Кирилл придет среди ночи, сравнительно трезвый, но элегически задумчивый, расчувствовавшись от воспоминаний по боевой юности, то Егор примчится вне себя от радости, что дядя Витя и папа ходили с ним на настоящий боевой корабль, и ему даже позволили подержаться за штурвал.

А теперь Зейда вдруг приехал вместе с Кириллом на выходные, якобы обсудить с мудрой женщиной интересный случай, но под приветливым июньским

солнышком быстро забыл о своих планах.

Как увидел покосившийся угол бани, сразу руки зачесались, и все утро мужчины занимались ремонтными работами.

Ирина сначала напряглась и даже хотела запретить, потому что обрушение бани представлялось ей самым благоприятным исходом из всех возможных. А если сами покалечатся?

Она уже рот открыла, уже почти сказала, что не надо лезть, куда не знаешь, но Гортензия Андреевна так многозначительно посмотрела, что Ирина заткнулась.

Затаив дыхание, она приготовилась к худшему, но Витя оказался настоящим гением строительства. Дело спорилось, и Ирине оставалось только восхищаться и приготовить обед, достойный настоящих мужиков.

Ну а после трудового дня как пива не выпить? Муж жмурился на солнышке как кот, Витя благоговейно втягивал в себя пену, шапкой поднявшуюся над стаканом, а Гортензия Андреевна делала маленькие глоточки с суровым видом эксперта.

Интересно, вспомнит ли Витя до отъезда про грустный повод, который его сюда привел? Похоже, что нет.

У любого хорошего специалиста с опытом развивается чутье. Врач иногда не может объяснить, почему поставил именно этот диагноз, хотя симптомы указывали на другое, педагог способен разглядеть талант под маской злого хулигана, повар снимет блюдо с огня за пять минут до предписанного времени, а оперативник способен почуять маньяка даже без логичных предпосылок.

Два дня назад нашли тело девушки. Несчастная была задушена, и особых оснований считать, что тут поработал маньяк, не просматривалось. Не было ни сексуального насилия, ни избыточной жестокости, ни ритуальных действий, и преступлений с аналогичным почерком в последнее время тоже не наблюдалось, так что наиболее перспективной выглядела версия убийства по личным мотивам. Севе возразить на это было, по сути, нечего, но беспокойная интуиция заставила его, пока коллеги отрабатывали окружение жертвы, поднять сводки на предмет похожих преступлений и на всякий случай

неофициально вызвать крупного специалиста по маньякам Витю Зейду.

Тот послушал, сделал умный вид, насколько мог, и поехал к Ирине советоваться, правда, в электричке половина подробностей вылетела у него из головы.

Ирина усмехнулась. Общение с оперативниками не факт что обогатит Витю первосортным материалом, зато усыпит бдительность его научного руководителя. Ученик добросовестно собирает данные, варится в самой гуще событий, а не просто просиживает штаны в библиотеках. Аспирант мечты, как такого ругать и нагружать всякими скучными поручениями? Вите жизненно необходимо закрепиться у оперов, только балласт никому не нужен, даже такой симпатичный. Зейде нужно принести Севе хоть крошечную пользу, чтобы стать своим, сделать хоть малюсенький вклад в расследование, но надежды на это, откровенно говоря, мало.

– А малому-то поощрение? – вдруг спросил Витя. – То работали все вместе, а теперь мы пиво пьем, а бедное дитя книжечку читает.

– Чтение, Виктор, не для всех является наказанием, – заметила Гортензия Андреевна, – но, по сути, вы правы.

Кирилл вздохнул:

– Да уж, непедагогично получилось. Я хотел мороженого взять, но оно бы растаяло по дороге.

Ирина поднялась:

– Ладно, схожу с детьми на станцию. Там поедим.

Усадив Володю в коляску и дав ему любимого замурзанного медведя, Ирина двинулась в путь. Егор побежал за ней. Он действительно все утро строил вместе с мужиками, Ирина сначала боялась, но вскоре увидела, что Витя с Кириллом поручают ему безопасные задания, а Витя даже успевает обучать разным секретам мастерства. И все как-то у них выходило весело, в охотку, дружно, хоть у Егора, интеллигентного городского ребенка, не все получалось с первого раза. Никто не орал: «не умеешь – не берись!», «руки-крюки», не

обзывал Егора неумехой, в общем, воспитательный процесс был на нуле. Витя только посмеивался: «Доки ни впріти, доти ни вміти» – что означало: не вспотеешь – не научишься.

Ирина улыбнулась.

Гравий приятно шелестел под колесами, и осколки гранита сверкали под лучами солнца ярко, как бриллианты. Полуденный зной ушел, но на горизонте еще чуть зыбился, дрожал горячий воздух. В сплошной майской зелени пробивались яркие лоскутки цветов, упоительно пахло сиренью, а из маленькой придорожной лужицы вдруг выпрыгнула лягушка, напугав Ирину.

Внезапно она подумала о неизвестной девушке, которая еще три дня назад тоже наслаждалась ранним летом. Тоже шурилась на солнце, высматривала пятилистный цветочек в сирени, и как знать, может, и нашла. Жила так же, как Ирина, но по чьей-то злой воле ушла в небытие. Этот прекрасный мир перестал для нее существовать.

На Ирину вдруг нахлынула тоска, такая сильная, что она даже удивилась. Она ведь никогда не видела этой девушки, почему так расчувствовалась? Профессиональная деформация отступила от долгого сидения в декрете? Когда по долгу службы имеешь дело со смертями, то перестаешь воспринимать их как исход чьей-то жизни, не менее важной, чем твоя собственная. Наступает состояние, наиболее точно выражаемое фразой «всех не переборешь». Да, жалко, но я тут при чем?

А ведь, если Сева прав и девушку убил маньяк, сколько еще может пройти времени, прежде чем его поймают? И сколько жертв окажется к тому времени на его счету?

Тут за спиной Ирины послышались легкие быстрые шаги.

– Я с вами прогуляюсь, – сказала Гортензия Андреевна, – пусть ребята спокойно посидят, как говорится, сан фасон.

– Да пусть, конечно.

– Знаете, Ирочка, мне кажется, что я могу вам помочь.

Ирина нахмурилась, не понимая.

– Витя хороший парень, но он явно создан для физического, а не для умственного труда, – вздохнула Гортензия Андреевна, – сами видели, с каким пылом он взялся за строительство, на все готов, лишь бы только головой не думать.

– Какой уж есть.

– Ирочка, сам он ни за что не справится, а вместе с нами это будет совершенно другое дело.

– Гортензия Андреевна, если мы с вами один раз...

– Мы с вами один, а я в свое время не один и не два раза, – сухо заметила учительница, – вы же помните, где я служила?

Ирина кивнула.

– Ну так вот. Я ловила шпионов во время войны, а маньяк, по сути, – это тот же самый шпион. Тоже внешне совершенно обычный человек, мухи не обидит... Ах, Ирочка, мне так хочется поучаствовать!

Улыбнувшись, Ирина открыла кошелек и пересчитала мелочь:

– Есть монетки. Ладно, сейчас из автомата позвоним Севе, попробуем узнать, что да как, а то наш ученый муж по дороге все забыл.

?

Из холодного коридора на Федора повеяло унынием и безнадежностью. Под утро этот казенный дух ощущается особенно остро.

От мертвенно-бледного моргающего света сразу начала болеть голова, и Федор вдруг подумал, что мог бы всю жизнь провести в таком вот обшарпанном отделении милиции, где краска осыпается со стен, а на потолке проступают пятна не от времени, а от избытка человеческой грязи и страданий. Слава богу, слава богу...

- Как зовут? - спросил он резко.

Дежурный следователь подобострастно заглянул в глаза и ничего не ответил.

- Ну хоть это можно было узнать... Ладно. Проводите.

Следователь распахнул перед ним дверь своего кабинета - узкого помещения с зарешеченным окном. Там с трудом помещался письменный стол с нелепо дорогим письменным прибором в центре, стул для посетителей и сейф, выкрашенный в цвет несвежего белья.

Федор присмотрелся к прибору, сработанному то ли из мрамора, то ли из черт знает чего, и остался стоять.

- Входи, - бросил следователь, выглянув в коридор, и в кабинете появилась девушка.

На лице наливался синяк, и Федор предпочел не приглядываться.

- Садитесь, пожалуйста, - он подвинул девушке стул, а следователю сделал жест, чтобы выметался.

Девушка села осторожно, наверное, там в ребре как минимум трещина. Но это не его дело.

- Меня зовут Федор Константинович Макаров, - сказал он, - я прокурор этого города.

Девушка молчала.

- Поступил сигнал, что у вас не хотят принимать заявление. Это верно?

– Да. Я уже три часа сижу! – сказала девушка с вызовом. – И не уйду, пока не примут.

– Хорошо, хорошо.

Он не любил решать деликатные вопросы через стол, это создавало дополнительную преграду между ним и собеседником, но тут из-за крошечных размеров кабинета доверительная близость превращалась в стояние над душой и делала только хуже. Федор прислонился к подоконнику:

– Саботировать заявления граждан недопустимо, и мы сейчас же разберемся с этим вопиющим случаем и примем меры. Это я вам обещаю. Где ваше заявление?

– В мусорном ведре.

Федор нахмурился, покачал головой и подумал, что это уже и вправду перебор.

Он положил перед девушкой чистую бумагу, вытянул из прибора тяжелую шариковую ручку с затейливым колпачком и со стуком поместил поперек листа:

– Вот, пожалуйста, пишите, а я прослежу, чтобы заявление было принято в работу.

Девушка взяла ручку и с решительным видом принялась выводить шапку документа.

Федор кашлянул:

– Только прежде, чем я возьму дело на свой контроль, разрешите спросить: вы действительно этого хотите?

– Ну ясное дело! Зачем же я тут сижу, по-вашему? – воскликнула девушка и, охнув, схватилась за бок.

– Тише, пожалуйста. Воды?

- Не надо!

- Как угодно.

- И не пытайтесь меня отговорить!

- Да боже сохрани! Я на вашей стороне.

- Да?

- Больше того, попрошу вас написать не только о... - Федор деликатно замялся, - не только о произошедшем, но и о том, что у вас долгое время отказывались принимать заявление, и даже выбросили его в мусорную корзину. Это позволит мне принять меры и провести работу с подчиненными.

Девушка писала, по-ученически расставив острые локти.

- Я уважаю ваш выбор, - мягко сказал Федор, - ведь редко встретишь в наши дни человека, готового положить жизнь на алтарь справедливости.

- Да, я хочу, чтобы справедливость восторжествовала, что в этом плохого?

- Ничего. Только я все же обязан вас предупредить, что в итоге накажете вы только себя.

- Интересное дело!

- Увы... - Федор развел руками, - вы молоды, вам положено еще быть идеалисткой, а я уже пожил порядочно, чтобы знать: всегда есть разница между тем, что должно быть, и тем, что будет. Иногда она незначительна, но бывает и огромна.

Девушка перестала писать и остро посмотрела на него.

- Подонки должны быть наказаны - это верно, но это принцип, теория, а на практике я вам сейчас расскажу, что произойдет, - Федор хотел погладить

девушку по плечу, но решил, что лучше не надо, – а вы уж сами думайте, стоит оно того или нет.

Девушка фыркнула.

– Я позабочусь о том, чтобы ваше заявление было принято в работу, но на этом мои полномочия исчерпываются, – Федор развел руками, – я даже следователю не смогу указывать, что делать, ибо по закону он лицо процессуально самостоятельное, а уж про адвокатов и судей даже говорить нечего. Они мне никак не подчиняются. Уверяю вас, очень быстро все будет повернуто так, что вы не только перед законом, но и в глазах общественности прослывете девушкой очень легкого поведения, которая путается с кем попало.

– Я сама и мои друзья будут знать, что это не так!

– Но ваше будущее зависит не только от вас и ваших друзей. Помните: «Это совершенно все равно, он ли украл или у него украли, главное, то, что он был замешан в гадком деле, потому очень странно назначать его на такое видное место». Был такой писатель Апухтин в девятнадцатом веке, его слова... Ну так вот, поверьте мне, ни один опытный кадровик не захочет с вами связываться, и при прочих равных на работу возьмут человека, не замешанного в такой скандальной истории. Подобные инциденты оставляют дурного рода шлейф, и он всю жизнь будет тянуться за вами. Мне кажется, вы девушка упорная, амбициозная, могли бы сделать блестящую карьеру, если бы не стали ввязываться в скандал. Людям всегда известно о вас больше, чем вы думаете, а история эта может выстрелить и через двадцать лет. Вы будете добиваться высокого назначения, и все будет складываться в вашу пользу, а ваш конкурент вытащит на свет божий этот старый скелет из вашего шкафа, и все. Нет, официально вас не назначат из-за какого-то формального несоответствия, но истинная причина будет именно эта.

– Может, я не собираюсь делать карьеру! – вспыхнула девушка. – Домохозяйкой хочу быть.

Федор вздохнул:

– Это тема очень деликатная, но и тут... Нет, если у вас есть жених или возлюбленный, который вас поддержит, то я очень за вас рад...

Он развел руками и наконец догадался предложить девушке сигарету. Сам Федор не курил, но, выдвинув первый ящик стола, обнаружил пачку «Космоса» и зажигалку.

Девушка вдохнула дым и закашлялась, видимо, тоже не курила.

- Поверьте, среднестатистический уравновешенный юноша десять раз подумает, прежде чем ухаживать за девушкой, замешанной в такой истории.

- Ну и пусть! - фыркнула девушка. - Нет - и не надо.

- Нет, ну можно, конечно, ждать великой любви, когда ему все равно, кто вы такая, - проворчал Федор и осекся, - в общем, я искренне желаю вам встретить свое счастье, просто это будет сложнее, если вы станете героиней громкого процесса.

- Это все?

- Все, о чем я мог бы предупредить абсолютно каждую женщину, пережившую попытку изнасилования. Но в вашем случае есть дополнительные нюансы.

- Да неужели?

Федор посмотрел на девушку со здоровой стороны. Вздернутый острый носик, круглый глаз в обрамлении пушистых ресниц. Красивая. И не робкого десятка. Дралась до последнего, вырвалась, не потеряла самообладания, сразу обратилась в приемный покой ближайшей больницы, где зафиксировали побои и дали телефонограмму, и в милиции навела такого шороху, что самого Федора Константиновича пришлось из кровати вынимать.

- Вы же знаете, кто такие ваши обидчики?

Она кивнула.

- Ну вот... Очень может статься, что не они будут отвечать, а вы сядете за причинение им тяжких телесных повреждений. Вы же им хоть одну царапину

нанесли?

Девушка усмехнулась:

- Намного больше!

- Вот и все. Дело повернется так, что вы на ровном месте избили двоих невинных юношей, и я ничего не смогу с этим поделать. Абсолютно ничего.

- Но это абсурд!

- Абсурд не абсурд, а будьте уверены, что так и выйдет. Даже те люди, которых вы считаете своими друзьями, не заступятся за вас. Вам дадут чудовищные характеристики...

- Это неважно. Я буду бороться.

- Что ж, пожалуйста, но учтите, что если вы выиграете в суде, то проиграете абсолютно все, что у вас есть, все ваше настоящее и будущее. Вам отомстят.

Девушка пожала плечами.

- Мне кажется, я понимаю, о чем вы думаете, - мягко продолжал Федор, - если все будут бояться, то ничего никогда не изменится и справедливость не наступит. И я с вами согласен и действительно хочу, чтобы виновные были наказаны, но только этого не произойдет. Сейчас. По крайней мере не в этот раз, не в нашем с вами случае. Может быть, благодаря вашей борьбе мир немножко дрогнет, мы сделаем крошечный шагок в сторону справедливости, не исключено, что другие зарвавшиеся сынки на секунду задумаются, а так ли безопасно насиловать девушек, как им представляется на первый взгляд, но на этом все. Болото чуть-чуть, еле заметно, всколыхнется без последствий, зато ваша жизнь будет сломана безвозвратно.

- Не надо меня запугивать!

Федор улыбнулся:

– Ну что вы, это я еще смягчаю. Просто вы мне симпатичны, я сочувствую вам и хочу, чтобы трагические события сегодняшней ночи не разрушили всю вашу дальнейшую судьбу.

– А что насчет вашей? Как на вас это отразится? – девушка взглянула на него с вызовом.

Федору пришлось выдержать ее взгляд, и он невольно заметил, что синяк расплзается по лицу, багровеет, и скоро глаз перестанет открываться. Ей бы сейчас лежать дома с замороженной курицей у лица, а не добиваться справедливости в милиции.

– При чем тут я? – спросил Федор, пожав плечами.

– Раз примчались среди ночи, так, наверное, при чем, – резонно заметила девушка.

– Да, мне докладывают о вопиющих нарушениях работы с гражданами в любое время суток.

– Ну естественно.

Федор выдавил из себя отеческую улыбку:

– Я просто хочу, чтобы вы, вступая в борьбу, отчетливо представляли себе, что вас ждет.

– Не волнуйтесь обо мне.

Девушка вернулась к своему заявлению и стала быстро писать, без единого слова давая понять, что больше не собирается слушать прокурора города.

– Что ж, – сказал Федор, – я вас предупредил, так что на меня не обижайтесь, когда все пойдет, как я сказал.

– Не буду.

– Я сделаю все, как обещал, только вы еще одну секунду подумайте о своих родителях. Вы готовы через все это пройти, а они?

Девушка замерла.

– Подумайте, каким страшным ударом это станет для них. Я сам отец... – Федор вздохнул.

Он хотел добавить, что из-за жажды справедливости девушки ее родители не только перенесут моральные страдания, но могут лишиться многих очень важных для них вещей – карьеры, очереди на квартиру, заграничной визы, да вообще всего. Но девушка и так отложила ручку, и Федор решил не пережимать. Он протянул ей открытую пачку сигарет, поднес огоньку.

Девушка взяла вторую сигарету, неумело затянулась.

– Вы почти сутки на ногах, – сказал Федор, – спать хотите, наверное?

– Да как-то, знаете ли, взбодрили меня сегодняшние приключения... – Она поморщилась. – Черт, а я ведь и правда о маме не подумала.

– Ничего. Родительские чувства, они такие, не поймешь, пока сам не переживешь. И я честно вам скажу, что лучше бы повесился, чем такое узнал о своем ребенке.

Девушка покачала головой.

– Просто когда случается несчастье, в первую очередь надо спасать то, что можно еще спасти, – вздохнул Федор, – а о возмездии думать, когда все уже в безопасности.

Девушка изящно постучала пальцем по сигарете, стряхивая столбик пепла. Она курила как старшеклассница, приобщаясь к взрослой жизни, бессознательно рисуясь перед ним, держа сигарету между указательным и средним пальцем левой руки. Интересно почему, удивился Федор, ведь писала она правой, а потом всплыло в памяти детское поверье, что хорошие девочки курят левой рукой. Неужели столь глупая примета дожила от его детства до

юности этой девчонки?

Бедный ребенок, подумалось ему, в какую ерунду она верит и как много в чем ей придется еще разочаровываться...

- Так вы думаете, не стоит?

- Если вы любите ваших родителей, то нет.

Девушка быстро скомкала лист в аккуратный шарик и бросила его в мусорное ведро.

- Так, наверное, и появилось христианство, - сказала она, - когда у простых людей пропала всякая надежда на справедливость.

- Наверное.

- Если, когда тебя ударили по правой щеке, ты можешь лишь подставить левую, то остается только гордиться этим, чтобы окончательно не сойти с ума.

Федор пожал плечами.

- Я пойду, раз так?

- Давайте я вызову вам такси?

- Не нужно.

Она встала, с грохотом отодвинув стул. Возле двери висело небольшое зеркальце без рамы, девушка посмотрелась, охнула и попыталась как-то замаскировать синяк при помощи челки, но быстро махнула рукой.

- Что ж, до свидания.

- До свидания. Хотя постойте... Вот моя визитка, звоните, если понадобится помощь.

Девушка усмехнулась:

- Даже не знаю, стоит ли.

- Берите, берите. Мало ли что, - мягко проговорил Федор.

Поколебавшись, девушка все же взяла у него из руки белый прямоугольничек.

- И кстати, - вдруг сказал Федор, - подставить другую щеку не значит утереться.

- Да? А что ж тогда?

- Быть готовой к новым ударам, ибо только Господь знает меру того, что нам предстоит претерпеть.

- Вы странный.

Федор промолчал, и девушка ушла.

Он тоже поскорее выбрался на крыльцо, где молодые, но уже пыльные листья сирени подрагивали в свете фонаря.

Постоял, глядя, как стройная фигурка быстро движется к метро. Оно уже открылось, и между колоннами вестибюля вился тоненький ручеек первых пассажиров.

Следователь подскочил, но Федор, не удостоив его взглядом, зашагал к длинной черной машине, припаркованной неподалеку, и остановился возле заднего сиденья. Стекло опустилось.

- Все, - сказал Федор, досадуя, что приходится нагибаться, - заявления не будет.

- Ты уж прости, Федор Константинович, что дернули тебя.

– Сам виноват. Плох тот начальник, без которого подчиненные ничего решить не могут.

– Ладно, Феденька, не прибедняйся. Ты как, на колесах? Или подвезти?

– Не беспокойтесь.

– Ну добре. В выходные что делаешь? У меня чудесная банька намечается, приезжайте с Татьяной Ивановной.

Федор поблагодарил, как мог спокойно, хотя сердце встрепенулось от радости. Эта банька дорогого стоит, святая святых, ближний круг ближнего круга... И пригласили не одного, а с женой.

Он немножко постоял, глядя вслед уезжающей машине.

– А с телефонограммой как, Федор Константинович? – спросил неожиданно подошедший следователь, нарушив его радужные мечты.

– Как-как? Об косяк! – огрызнулся Федор и двинулся к своей машине.

Следователь семенил за ним, пригибаясь, как артист МХАТа, изображающий лакея. Под густыми усами алели неприятно влажные губы, и Федор поморщился.

– И все-таки, Федор Константинович?

Когда имеешь дело с дураками, приходится контролировать все до конца.

– Стандартную отписку нарисуй, а я прослежу, чтобы никто не прицепился.

Он открыл дверь машины, и следователь придержал ее.

Федор устроился за рулем, завел машину и взглянул на часы. Только минуло шесть, значит, можно успеть домой, позавтракать перед работой. Федор потянулся, от души зевнул и поехал на службу.

?

Ирина прикинула, что Гортензия Андреевна должна вернуться на восьмичасовой электричке, и, накормив Егора ужином и отпустив еще поиграть с соседскими ребятами, усадила Володю в коляску и отправилась на станцию. Она старалась как можно больше ходить, чтобы за лето окончательно расправиться с лишними килограммами. Ирина уже достигла большого прогресса в борьбе за фигуру, старые платья на ней уже сходились и застегивались, только дышать в них было пока еще трудновато. К сентябрю Ирина надеялась это исправить.

Опустились светлые ленинградские сумерки. Нагретые за день рельсы отдавали тепло, и в воздухе далеко разносился особенный запах железа и ржавчины, с детства будивший в Ирине тоску по дальним странам. Послышался стук колес поезда, но Ирина знала, что он разносится очень далеко и электричка покажется еще не скоро. Володя, подпрыгивая в коляске, что-то энергично рассказывал лохматой станционной собаке. Та слушала внимательно и строго.

Ирина расстроилась, что не взяла для нее колбасы, хотя думала об этом.

– Извини, – сказала она собаке, и та махнула хвостом.

Наконец показалась электричка, свистнула и замедлила ход. Ирина сразу разглядела в окне силуэт башнеобразной прически, которую ни с чем не спутаешь.

Двери вагона открылись со вздохом и скрипом, и Гортензия Андреевна шагнула на перрон – спина прямая, прическа – локон к локону, и ни единой складочки на простом полотняном платье. Как ей это удастся, завистливо подумала Ирина, после электрички всегда чувствующая себя как карамелька из кулька – потная, платье липнет, помада поплыла, словом, ужас. А над Гортензией стихия, стало быть, не властна.

– Какой приятный сюрприз, Ирочка, – улынулась учительница, – но, право, не стоило так утруждаться.

Тут к ним подошла сухопарая женщина лет тридцати в ярком цветастом платье и крепко обняла Ирину, прежде чем та успела что-то сообразить. Только когда она опустилась на корточки перед Володей и засюсюкала с ним совершенно по-

свойски, Ирина узнала Наташу, местную библиотекарьшу.

Когда Кирилл с Ириной поженились, выяснилось, что у них, ярых любителей чтения, есть одинаковые книги. Не слишком много, потому что отец Кирилла, видный ученый, имел гораздо более широкий доступ к книжному дефициту, чем молодая судья, но все-таки пара полок дубликатов набралась.

Когда три месяца сидишь с детьми на даче, душа томится по новинкам, поэтому блат в библиотеке – штука незаменимая, вот Кирилл с Егором и отнесли полный рюкзак литературы в местную книжную цитадель.

– А Егорушка где? – Наташа говорила быстро и резко, будто сыпала горох. – У меня для него новая повесть Успенского отложена, и «Динку» он просил...

– Это же для девочек, – удивилась Ирина, – ему не понравится, наверное...

– Ну он после Васька Трубачева захотел. Мальчишке, конечно, да, может, про Динку и неинтересно, но пусть сам посмотрит. Только если не станет, пусть сразу вернет, у меня уж на нее до осени очередь расписана. Вот что за жизнь, от скуотищи всякой аж стеллажи трещат, а интересное все в одном экземпляре. Я и для вас, Ирочка, тоже припасла «Юность» апрельскую.

– Завтра прямо с утра пришлю Егора! – пообещала Ирина.

– Давайте, давайте! У меня не застаивается, особенно в дачный сезон. Может, и вам что подобрать? – обернулась Наташа к Гортензии Андреевне.

– Благодарю за любезное предложение, но так сразу и не соображу... – учительница вздохнула, – хочется легкое что-нибудь про любовь и обязательно со счастливым концом.

– Сделаем!

Они вышли на маленькую пыльную площадь. Перед поблекшим от старости домиком станции стоял округлый красный автобусик с хитрыми круглыми фарами-глазами. Он почти весь заполнился, но у дверей еще стоял хвост.

– С вами прогуляюсь, – сказала Наташа решительно.

Выйдя на дорожку, Ирина немного прибавила шагу, в надежде, что быстрый темп заставит библиотекаршу умолкнуть, но куда там...

– А детективы любите? Сейчас все на руках, но если что, я отложу.

Гортензия Андреевна сказала, что не интересуется, а Ирина знала все скудные библиотечные запасы данного жанра как свои пять пальцев. Под стрекотание Наташи она задумалась, что бы такое попросить, раз уж выпал случай. Дома есть что почитать, но это все знакомые книги, а хочется чего-то новенького. Почему-то позавидовала Вите Зейде, который живет себе и понятия не имеет, что такое книжный голод, от него мысль скользнула к Михаилу Семеновичу, и Ирина вспомнила, что он вроде бы печатался через общество «Знание». Профессор что-то такое говорил, когда представлял своего товарища.

Брошюры «Знания» распространяются по самым затрапезным библиотекам, и тут наверняка есть. Взять, что ли? Сто процентов окажется дикая скучища, но хотя бы из вежливости надо почитать. Психиатры, похоже, еще долго от нее не отстанут, так хоть будет чем польстить Михаилу Семеновичу. Как начнет он сокрушаться, что дело не сдвигается с мертвой точки, она ему раз – и ввернет: «Ах, вы так точно подметили в своей книге, что...» И тут же у психиатра поднимется настроение.

– Наташа, а вы не посмотрите завтра, нет ли у вас случайно книги некоего Михаила Башмачникова? – без особой надежды спросила она.

Библиотекарша вдруг весело расхохоталась:

– Башмачникова, тю! Да на него на год вперед записываются! Зимой еще туда-сюда, но в дачный сезон, Ирочка, ничего не могу поделат даже ради вас. Книга-то жиденькая, еле дышит уже, вот-вот рассыплется. Я заявку три раза отправляла, но пока никак, прямо не знаю, что и делать. Подклеиваю как могу...

– Неужели такой популярный?

– Да господи! Странно, что вы не в курсе!

Ирина и сама этому удивилась, поскольку считала себя передовой женщиной, разбирающейся в модных новинках уж всяко лучше сельской библиотекарши. Эх, совсем она в декрете одичала!

Впрочем, Наташа быстро помогла ей восполнить этот пробел.

Оказывается, Ирина принимала в своем доме не просто симпатичного доктора Михаила Семеновича, а самого Башмачникова. Или даже это-же-Башмачникова. В общем, кумира всех людей, озабоченных своим духовным развитием.

Его небольшая книжечка «Быть или казаться», выпущенная год назад на удивление скромным тиражом, хотя общество «Знание» для просвещения граждан обычно бумаги не жалело, распространилась в народе со скоростью лесного пожара.

– Я вот прямо переродилась, как прочитала, – стрекотала Наташа, – прямо вот столько о себе поняла и о жизни. Глаза открылись, иначе не скажешь!

– Ого!

– Да, любопытно было бы познакомиться, – Гортензия Андреевна улыбнулась, – ведь книг с подобным эффектом в мировой литературе весьма немного. Буквально единицы.

– Эта именно такая! Не переиздают ее почему-то, а я бы так ее всем раздавала и заставляла прочитать.

– Включая грудных младенцев?

– А чем раньше, тем лучше! – огрызнулась Наташа. – Меньше ошибок понаделают. Ну чего я вам буду рассказывать... Когда прочитаете, сами все поймете. Ах, как жаль, что не могу ее прямо сейчас вам дать!

– Не волнуйтесь об этом, Наташа.

– Ладно, попробую выкрутиться как-нибудь. Может, на ночь занесу, она маленькая, успеете. Не пожалеете точно!

Ирина хотела было сказать, что знакома с Башмачниковым и может попросить книгу у него, но вовремя одумалась. Мало ли какие идеи родятся у напористой Наташи по этому поводу? Может, захочет устроить творческий вечер или потребует познакомиться с любимым писателем. И тут уж, Ира, либо унижайся перед Михаилом Семеновичем, либо не видать хороших книг тебе и всему твоему семейству. Короче, молчание – золото.

Наташе надо было сворачивать, и женщины тепло простились.

– Придумаю что-нибудь! – крикнула Наташа, прежде чем скрыться за поворотом.

– Да уж не терпится поскорее припасть к этому волшебному источнику, – хмыкнула Гортензия Андреевна, – мне-то уже поздно дергаться, а у вас, Ирочка, шанс еще есть.

Ирина пожала плечами:

– Вообще-то у Наташи неплохой литературный вкус. Не смотрите, что она простовата.

– Да ни боже мой, Ирочка! Я просто не верю, что книги меняют людей, вот и все.

– Как это? – оторопела Ирина. – Вы ж учительница!

– Это да. Книга бесценна, потому что она заставляет думать, но измениться человек может только под воздействием собственного опыта. Панацеи, Ирочка, не существует ни в чем. Хотя... Для иных задуматься то же самое, что переродиться. В любом случае Наташа права. Надо изучить предмет прежде, чем судить о нем.

– В выходные скажем Кириллу, пусть попросит Зейду взять для нас экземпляр. Они же неразлейвода теперь. Я даже подозреваю, что Витя живет у нас, пока меня нет, и сильно надеюсь, что доедает мое прошлогоднее варенье.

Гортензия Андреевна многозначительно поджала губы:

– Хорошо, если так, Ирочка. А вдруг у них там дым коромыслом?

Ирина засмеялась:

– Нельзя исключить.

– И вы спокойно к этому относитесь?

– Слушайте, Кирилл же на пять лет меня моложе, еще юноша почти. Пусть погуляет, раз такая оказия. Гортензия Андреевна, расскажите же, как вы съездили.

– Что ж вам рассказать? – учительница выдержала эффектную паузу. – Когда-то я вербовала, теперь меня. Круговорот воды в природе.

– Сева вас что, в спецаппарат записал, скотина такая?

– Ах, Ирочка, ради хорошего дела чего только не сделаешь...

– Это что ж, он теперь всегда сможет знать, кто пришел без сменки, а кто без домашки?

– Не все так просто.

Гортензия Андреевна скромно потупилась. Ирина улыбнулась украдкой. Старая чекистка сказала ровно столько, сколько хотела, а Сева наверняка выболтал все. Он парень хороший, въедливый и сообразительный, но слишком общительный для оперативного сотрудника. Когда Ирина по телефону сказала ему, что они с Гортензией тоже в деле и хотят знать подробности из первых уст, он не стал кричать про тайну следствия, а сразу назначил встречу.

– В общем, Ирочка, ситуация даже более странная, чем я думала, – сказала Гортензия Андреевна, взяв Ирину под руку и замедлив шаг, – и пока понятно только одно – мы должны остановить это чудовище как можно скорее.

Сильно понизив голос, чтобы слова ее не достигали Володиных ушей (он не понимает еще, но вдруг осядет в голове эта гадость?), Гортензия Андреевна

рассказала, что погибшая была девушкой, что называется, из хорошей семьи, родители – преподаватели вуза, сама она в прошлом году закончила этот же вуз с красным дипломом и поступила в аспирантуру. Зато в личной жизни ей не слишком везло. Несколько коротких романов ни к чему не привели, и на момент гибели у нее не было молодого человека, которого можно было заподозрить в убийстве.

Вообще круг общения девушки был довольно узким, и никому она не успела сильно навредить за свою короткую жизнь, так что версия убийства по личным мотивам быстро зашла в тупик. Корыстные побуждения тоже не просматривались, у бедной девушки ничего не было за душой, кроме ленинградской прописки.

Однако кто-то выманил ее в полупустырь-полупарк, головную боль районной милиции, и задушил около полуночи.

Место хоть и не на самой окраине города, но глухое. С одной стороны железнодорожные пути, с другой – трамвайная линия и проспект. Да, оазис среди каменных джунглей, но добираться неудобно, да и незачем, ведь напротив располагается большой ухоженный парк с фонтаном и выходом на залив. Гораздо приятнее прогуливаться там, чем в дикой рощице, поросшей неопрятным бурьяном, заваленной мусором, который сто лет никто не убирал, и загаженной собаками.

В общем, кроме собачников, там никто не ходит, да и те только потому, что их в парк не пускают. Они там даже оборудовали тренировочную площадку для своих псов, но бывают такие места, которые вроде бы и удобные, но вот не хочется туда ходить, и точка.

Рощица заслуженно пользовалась дурной славой, и это косвенно говорило против версии о маньяке. Во всяком случае, Ирина бы сто раз подумала, прежде чем углубиться в ночную чащу одной или с незнакомцем. Это должен быть или повод настолько важный, что за него не жалко отдать жизнь, или человеку надо безоговорочно доверять. Или девушка была бесстрашная, в двадцать два года еще у многих ветер в голове не улегся. Может, маньяк оказался внешне обаятельный, а девушка считала, что красавцы в принципе ничего плохого сделать женщине не могут. Это же только грязные слюнявые отвратительные мужики бывают насильниками и убийцами, а он не такой!

Следов насилия и надругательства не было, поэтому сначала о маньяке подумал только Сева, и эту его версию коллеги осмеяли. Все, кроме судебно-медицинского эксперта. Вскрытие расписали опытнейшему врачу, и он заметил, что удушение производилось в два или даже более приемов. То есть убийца сначала затягивал петлю, потом отпускал, давал жертве передышку и начинал заново. Химическая экспертиза была еще в работе, но по отсутствию следов борьбы на теле жертвы эксперт предполагал, что она находилась под действием каких-то лекарственных препаратов, иначе должна была активно сопротивляться.

Ирина вздохнула. Получается, преступник либо тащил жертву на себе, либо опоил ее уже на месте преступления. Оба варианта выглядят довольно глупо...

Тут какое-то воспоминание тенью промелькнуло в голове, Ирина замерла, пытаясь схватить его за хвост, но в ту же секунду из канавы вдруг выбежал огромный пушистый кот, мяукнул, Володя завопил от восторга и попытался выскочить из коляски, пришлось его ловить, приманивать кота на «кис-кис», а он смерил их презрительным взглядом, отошел на несколько метров и, выставив лапу пистолетом, принялся деловито вылизывать под хвостом.

Наконец Володя успокоился. Снова тронулись в путь, но мысль исчезла, оставив по себе только противную пустоту. Что-то должно быть на этом месте, воспоминание, или логический вывод, или что-то еще. Ирина хмурилась, напрягала ум, но тщетно – мысль ускользнула в подсознание, и теперь неизвестно, появится ли когда-нибудь снова.

Ирина покосилась на Гортензию Андреевну. Та шла, сурово сдвинув брови, наверняка рассказала не все, что узнала от Севы, а только то, что Ирине положено знать. Старая школа... Ну и ладно, ну и хорошо, она все равно не собиралась гоняться за маньяком. Для этого есть специально обученные люди, слава богу.

– Главное – не сидеть сложа руки, – вдруг сказала Гортензия Андреевна, – даже крошечное что-то все равно больше, чем огромное ничего.

?

Федор вышел к завтраку поздно, потягиваясь и зевая.

На одной конфорке в эмалированной кастрюле с вишенкой на выпуклом боку томилась овсянка, а на соседней в маленьком судочке побулькивали сардельки в томатном соусе.

Жена стояла над туркой, выжидая ту самую неповторимую секунду, когда кофе надо снять с огня, энергичная, свежая, будто и не посещала вместе с ним вчера «легкий сабантуйчик».

– Я, пожалуй, минералочки, – сказал Федор, опускаясь на стул так, чтобы лишний раз не колебать мозг в голове.

Пожав плечами, Татьяна достала из холодильника бутылку боржоми и со стуком поставила перед ним.

– Стаканчик.

Появился и стаканчик.

Открывашку она подать забыла, и Федор снял крышечку с помощью обручального кольца. Несколько минут он наблюдал, как вода пузырится в стакане, слушал легкий шелест выходящего газа, а потом залпом выпил.

Жена положила себе овсянки.

– Ты надеялся, что я стану вырывать у тебя рюмку, как эти курицы? Кричать на всю деревню: «Федя, хватит! Федя, не пей!»

– Ну что ты...

– Это у них считается чуть ли не правилом хорошего тона, а между тем невыносимая пошлость.

Федор кивнул, отчего в голове слегка загудело.

– Ты же понимаешь, что с этими людьми иначе никак.

Жена напрягла губы и выпрямилась, как делала всегда, когда была им недовольна.

Ну и ладно, главное, что он, хоть и выпил довольно много, помнит все события вчерашнего вечера и может поклясться, что нигде не опростоволосился. Надо думать, проверку выдержал.

Федор не особо увлекался алкоголем и не пил, когда можно было этого не делать, но на таких встречах отказываться от рюмки равно политическому самоубийству. Не пьешь – стало быть, либо больной, либо стукач и нормальным людям от тебя лучше держаться подальше.

Нельзя не пить, но не уметь пить еще хуже. Потеряешь контроль над собой, свалишься в свинский образ – все, до свидания. Такого система тоже не прощает.

В молодости Федор не понимал, почему для определения деловых качеств и надежности человека обязательно надо его напоить, но с годами стал замечать, что действительно есть связь. Чем ничтожнее человек, тем быстрее он теряет над собой контроль, спирт будто стирает его лицо, нарисованное плохими красками на деревянной болванке, сильный же человек даже в тяжелом опьянении умеет держать себя в руках.

Он и сам нет-нет да и напайвал сотрудников, которых хотел двигать на повышение, и если они в пьяном виде теряли человеческое достоинство, то проверку не проходили.

С другой стороны, умение пить без сопутствующих качеств тоже ни к чему не пришьешь...

– Надеюсь, я держался в рамках, – сказал Федор, наливая себе еще минералки и раздумывая насчет сардельки.

– Да, дорогой, ты вел себя вполне прилично.

– А ты, как всегда, выше всяких похвал.

– Знал бы ты, чего мне это стоило. Эти боевые подружки... – Татьяна презрительно вздернула носик, – похоже, единственным критерием, которым руководствуются товарищи в выборе спутниц жизни, является отсутствие у избранниц интеллекта.

Федор ухмыльнулся.

– Особенно эта Ксения Васильевна! Царица, тоже мне еще... Из грязи в князи. Весь вечер пришлось слушать про Авдеева и его жену, сам понимаешь, какое это удовольствие.

История была громкая. Проректор педагогического института вдруг решил, что ему все можно, развелся и почти тотчас женился на своей аспирантке, и господь немедленно благословил их союз здоровеньким ребенком. Пока Авдеев наслаждался новым счастьем, старая жена носилась по инстанциям, совалась во все двери, в которые только можно, и даже кое-куда, куда нельзя. Ошельмовала беднягу по партийной линии, по административной, а в конце концов и по уголовной, слив сотрудникам ОБХСС кое-какие грешки мужа по части поступления студентов, и сделала это так грамотно, что не отмахнешься. Федор глубоко не вникал, но по всему выходило, что ближайшие несколько лет ребенку Авдеева придется расти без отца.

– И что ж Ксения Васильевна? Осуждала его жену? – спросил он как бы невзначай.

В глубине души Федор симпатизировал любвеобильному Авдееву и мог бы спустить дело на тормозах, если бы поступила соответствующая команда.

Татьяна махнула рукой:

– Да прямо! Восхищалась! Мол, раз Авдеев изменил, значит предал, а к предателям надо быть беспощадной. Типично плебейская логика, никакого понятия о чувстве собственного достоинства!

Федор растянул губы в улыбке.

Жена поправила воротничок кружевного халатика:

– Чтобы муж не изменял, надо себя держать в форме, а не разъедаться до состояния слонихи, чтобы потом носиться по инстанциям со слоновьим же упрямством!

Федор снова улыбнулся:

– Надеюсь, ты вчера не сказала этого вслух?

Татьяна покачала головой. Она была удивительно, редкостно красивая женщина, стройная, с тонкой костью и аристократическими чертами лица. Другие женщины такое редко прощают, поэтому ей приходилось быть особенно любезной.

– Когда вы ушли париться, эти тумбы еще три часа обсуждали, как бы они своим мужьям отомстили за измену... Безумно интересный разговор!

– Любопытно было бы послушать, какие наказания ты придумала для меня.

Татьяна отмахнулась:

– А потом мыли кости тому злополучному родственнику Тумановых. Просто удивляюсь, первые леди города, а рассуждают как базарные бабы, даже хуже.

Федор все же решился и положил себе в тарелку несколько ложек томатного соуса. Глубоко вдохнув острый пряный аромат, он почувствовал, что похмельная муть отступает.

– Если ты двадцать лет не общался со своей мачехой, так будь последователен, откажись от наследства, верно?

– В принципе да...

– Но нет, как же можно пронести кусок мимо рта? – жена фыркнула и разлила кофе по чашкам. – Тумановы же у нас нищие, на помойках побираются, им эта несчастная халупа прямо жизненно необходима!

Федор глотнул кофейку и поморщился. С похмелья показалось, будто жена вместо арабики заварила содержимое пепельницы. Он достал новую бутылку минеральной воды, приложил холодный мокрый бок к виску, краем уха слушая, как другой родственник, пользовавшийся мачехиной дачей и считавший ее своей, не сдавался без боя, а теперь, когда пришлось все же оставить плацдарм, применил тактику Кутузова. Удержался, не спалил дом, но залил все то ли известкой, то ли еще какой-то дрянью. Якобы для пользы дела, от комаров, но кого он этим хотел обмануть, просто смешно. Дамы резко осуждали строптивного родственника и сочувствовали Тумановым, а жена наоборот.

– Якобы он тоже не бедный, но я тебя умоляю, Федор! Кто может потягаться в достатке с торговыми работниками?

– Это уж точно.

– Эти упыри достаточно нахпали, чтобы уступить человеку, который заботился о старушке...

– И кто знает, может быть, действительно была необходимость обработать почву.

– Вот именно. Он же интеллигентный человек и не стал бы так мстить. Эти хамы просто мерят все по себе, вот и наводят напраслину на приличных людей. А еще вечно прибедняются... Вообще страшно видеть, какое быдло у руля. Наглое быдло, животные, которым лишь бы свое схватить, а там хоть трава не расти.

– Ты говоришь, будто ты великая княгиня, а на дворе восемнадцатый год, – улыбнулся Федор.

– А ты не иронизируй. За шестьдесят пять лет все стало только хуже. Раньше их хоть на конюшне пороли да в церкви урезонивали, а теперь что? Теперь это быдло в атмосфере вседозволенности воспитывает просто каких-то чудовищ, нелюдей и упырей.

– Что да, то да.

– И сейчас не сахар, но вообще страшно подумать о том, что начнется, когда к власти придут их детки.

Федор пожал плечами. Раньше жаркие политические дискуссии вели родители жены, а теперь, значит, подошла их очередь.

– Ты все же мамина дочка, – улыбнулся он.

Жена промолчала.

За разговором похмелье прошло, появился аппетит, и Федор положил себе немного каши. Она не успела остыть, была в точности такая, как надо, и пошла хорошо. Федор обрадовался, что отпустило и можно начинать ленивое воскресенье на диване. Такие бездельные дни редко выпадали на его долю, но сегодня законный отдых после вчерашнего возлияния.

Как раз лежит еще не читанная голубая книжечка «Нового мира», вдруг там найдется что-то увлекательное?

Жена затеет пироги, как обычно по воскресеньям, а он будет валяться на диване и принюхиваться, когда разольется по дому аромат ванили и яблок. А жена тем временем сложит губы кошелечком, чтобы всем было ясно, как она старается ради бездельников и лентяев, а никто в семье ее не ценит. И диван начнет припекать бока, придется скрываться в кабинете и делать вид, что погружен в работу, хоть немного ослабить действие жениных лучей укоризны.

Ладно, не на диване, так за письменным столом посидит, главное, что целый день не шелохнется, разве что вечером выйдет с Ленкой на пробежку.

Дочь вошла в кухню, как только он о ней подумал, и жена, собиравшаяся как раз что-то сказать ему, вдруг резко отвернулась, поджав губы. В гробовой тишине Лена зажгла газ под чайником.

– Доброе утро, – сказал Федор.

– Привет, папа, – буркнула она.

Лицо Татьяны совершенно окаменело.

Что ж, ясно. Опять Ленка где-то начудила. Девка вроде бы умная и с головой, но груба, эгоистична, родителей в грош не ставит.

В кухне повисло такое густое молчание, что Федор едва не задохнулся. Умеют же женщины нагнетать обстановку! Без единого слова, легким движением руки уютное семейное утро превращается в невыносимую тоску.

Он встал.

- Спасибо, Танюша. Пойду.

- Куда?

- Служба зовет.

Она холодно кивнула.

Федор быстро оделся и вышел из дому. Вдохнув душный запах нагретого асфальта, он вдруг почувствовал себя школьником, удравшим с уроков, когда ты опьянен свободой, но где-то в дальнем уголке души начинает прорастать понимание, что в конце концов тебе обязательно попадет.

Привычно сунув руку в карман, он обнаружил, что забыл ключи от машины. Вот и хорошо, прогуляется, совершит моцион, ведь сегодня на пробежку с Ленкой лучше не выходить. Она начнет жаловаться на мать, пытаться склонить его на свою сторону, он, конечно, не будет слушать, но Татьяна все равно обвинит его в предательстве. Нет уж, он себе не враг, вмешиваться в женские дразги.

Между пыльных домов и чахлах ленинградских деревьев Федор дошел до дежурной части. Он понимал, что для успешной карьеры нужна не только поддержка сверху, но и подпорка снизу, поэтому иногда заходил в неурочное время, спрашивал людей, как дела, не нужна ли помощь, нет ли каких идей по улучшению работы.

Под тяжелым навесом крыльца, дающим густую приятную тень, ему встретился маленький кривоногий оперативник, мечтательно затягивающийся папироской. Саня Черепанов, живой пример того, что умение пить вовсе не является залогом успешной карьеры.

– Добрый день, Саша, – сказал Федор и протянул ладонь для рукопожатия, – как вы себя чувствуете после ранения?

– Спасибо, все в порядке, Федор Константинович.

– Рад за вас. А медаль? Награда нашла своего героя?

– Так точно.

Благожелательно кивнув, Федор вошел внутрь и поздоровался с дежурным по городу по имени, и улыбнулся в ответ, когда тот расплылся в улыбке. Любит народ прокурора, считает, что он душевный мужик и люди ему небезразличны, а у него просто очень хорошая память. Иногда слишком хорошая.

?

После короткой череды солнечных жарких дней наступило хмурое ленинградское лето. Небо затянуло жемчужно-серыми тучами, такими тяжелыми, что порой они опускались до самой земли и обнимали дом пеленой тумана.

Однажды вечером тучи сгустились почти до черноты, на несколько минут все замерло, а потом разразилась такая страшная гроза, что Ирина испугалась по-настоящему, прижала к себе детей, и они молча смотрели в окно, как в небе змеятся толстые молнии, похожие на корни. Молнии будто раскалывали небо пополам, такой сильный раздавался гром сразу вслед за ними, Ирина с Егором вздрагивали и втягивали головы в плечи, зато Володя с Гортензией Андреевной сохраняли полное спокойствие.

Володя на руках у матери смеялся, а Гортензия Андреевна невозмутимо вязала носок и рассказывала Егору, как интервал между вспышкой молнии и ударом грома иллюстрирует разницу между скоростью света и скоростью звука.

Ночью гроза прошла, но до утра завывал сильный ветер, и Ирина понадеялась, что он нагонит хорошую погоду.

Она ошиблась.

Утром дождь лил стеной, с шумом падал на крышу и ручейком весело журчал в пожарную бочку на крыльце.

Лужи на дорожке кипели, а на небе не видно было даже крошечного просвета.

После завтрака Егор надел резиновые сапоги, куртку, взял черный мужской зонт Кирилла, с которым смотрелся, как мультяшный гриб-поганка, и отправился играть к своему приятелю, а Ирина, сварив обед, вдруг поняла, что ей нечем заняться. Володя сидит в манежике с игрушками, стирать большого смысла нет, потому что в такую погоду белье не высохнет, а будет только киснуть, и в саду под проливным дождем тоже не покопаешься.

Ирина вздохнула. Как досадно, выпала редкая возможность почитать, а читать нечего. Наташа ничего не смогла найти ей интересного. Гортензия Андреевна получила «Грозовой перевал» и нырнула в него с головой, еще не зная, что хеппи-эндом там даже не пахнет.

Она прошлась вдоль книжных полок. Все читано-перечитано, прямо хоть носок вяжи наперегонки с Гортензией. Ирина поднялась на второй этаж, в детскую комнату Кирилла. Там стояло два магнитофона – большой, с закругленными краями, солидный бобинный, и легкий серебристый кассетник. Ирина думать боялась, сколько он стоит, не то что спрашивать.

В коробке с записями царил творческий беспорядок. Большинство кассет были не подписаны, а остальные перепутаны, Кирилл опознавал их по каким-то одному ему известным приметам. Ну да ничего, главное, что у него вся музыка хорошая, бери да слушай любую. Вот на этой, с надорванной этикеткой, Стиви Уандер, а девяностоминутная sonu заполнена песнями итальянской эстрады. Это «сладкое и бабское» Кирилл записывал специально для нее, сам он слушает более возвышенные произведения.

Хорошо бы включить, но придется идти с музыкой вниз, и Гортензия начнет возмущаться, какое это безобразие и ужас, и черт знает о чем эти люди вообще поют, во всяком случае, для малыша подобная музыка точно вредна и опасна. Разрушает детскую психику со стопроцентной гарантией.

Заведет про коров, которые под музыку Моцарта дают молоко, а от современного рока дохнут, и помидоры от него тоже не растут. Мор и голод, короче говоря.

И ничего нельзя будет ей ответить, чтобы не расписаться в своем дурном вкусе и в том, что она плохая, безответственная мать.

Лучше и не заводится.

Она спустилась вниз и застала Гортензию Андреевну в полной экипировке. Учительница собиралась к соседям, подтягивать их туповатого внука по половине предметов школьной программы.

– Куда вы в такую погоду? – проямлила Ирина.

– Ребенок должен видеть, что для исполнения долга не существует помех, – изрекла Гортензия, с хлопком открыла свой цветастый зонт и отправилась в путь.

Прежде чем она исчезла в белой пелене дождя, Ирина успела заметить, что одна спица на зонтике сломана и печально висит.

Она еще немного задержалась на пороге и вдруг увидела, как к воротам, переваливаясь на ухабах, подъезжает светлая «волга». Наверное, кто-то заплутал, подумала она, но тут машина остановилась, из нее вышел человек и, натянув на голову воротник куртки и сильно горбясь, принялся стучать в калитку.

Ирина поскорее накинула дождевик и выскочила навстречу. Сердце екнуло, когда она узнала Михаила Семеновича. Зачем он здесь?

– Что-то случилось?

– Не тревожьтесь, не тревожьтесь! – смеялся Башмачников, пока они бежали от калитки до крыльца. – Женщины любят видеть угрозу во всем непонятном, но я скорее с добрыми вестями...

Психиатр не успел сильно промокнуть, но Ирина все же подала ему чистое полотенце и занялась его курткой, явно импортной и, похоже, очень дорогой.

У Ирины никогда не было вещей такого высокого качества, но она догадывалась, что нежная лайковая кожа куртки должна бояться воды, поэтому быстро встряхнула ее и на плечиках повесила на люстре посреди веранды. Получилось смешно и жутковато.

– Витенька сказал, что вы заинтересовались моими скромными трудами, – Михаил Семенович слегка поклонился, – так я решил сам привезти, не дожидаясь оказии. Правда, вышло слегка с подмоченной репутацией.

Действительно, уголок книжечки отсырел, и на обложку упала крупная капля, отчего первые буквы фамилии автора слегка расплылись.

Ирина смутилась:

– Спасибо, но зачем же было ради нас так трудиться... Тем более вон дождь...

– Надеюсь, вы позволите мне переждать?

Вспомнив о долге хозяйки, Ирина захлопотала насчет чая.

– Мы можем даже предоставить вам ночлег, – улыбнулась она.

– О, я не хотел бы вас компрометировать, – протянул Михаил Семенович так томно, что Ирина смутилась и слегка покраснела.

– Я так мечтала прочитать вашу книгу, – быстро сказала она, – так интересно.

– Боюсь, вы будете разочарованы. Я ведь планировал развить свои идеи в серьезном научном исследовании, но, как это почти всегда бывает, нестандартную тему не утвердили, поэтому пришлось оформлять в виде

научпопа, чтобы все это не кануло в небытие совсем уж незамеченным.

Ирина сочувственно покачала головой, не зная, что тут можно сказать.

– Нет, я в итоге получил свое: и степень, и звание, но единственное, чем я по-настоящему горжусь, это вот, – он показал на книжечку, – и больше уж ничего, наверное, не успею в этой жизни, только если Витьку вытолкаю на орбиту настоящей науки...

– Непросто вам будет это сделать, – усмехнулась Ирина.

– Зато инерция большая, может, далеко пойдет.

Смеясь, она достала банку прошлогоднего варенья. Позорище, конечно, но ничего не осталось в доме такого, что могло бы сойти за угощение. Придется брать сервировкой, решила Ирина и принесла из серванта вазочку тонкого стекла, которую из страха разбить использовала крайне редко, а вернее сказать – никогда.

– Неужели вы специально приехали в такую даль, чтоб вручить мне книгу?

– Не только за этим, дорогая Ирина Андреевна, не стану лукавить. Я знаю, что вы приняли живое участие в Витиной работе, и, честно говоря, хотелось бы напрямую выслушать ваши соображения.

– Михаил Семенович, я сделала для него один телефонный звонок, и все.

Он взглянул лукаво:

– Прямо все-все?

– Нет, думала, конечно. Тема-то интереснейшая.

– Ирина Андреевна, давайте посмотрим правде в глаза. Нашему замечательному Вите голову в последнюю очередь приделали, и то только для того, чтобы понимать, где верх. Никто не знает, зачем он пошел в науку, и в первую очередь он сам.

– Так почему же вы взяли его под свое крыло?

Михаил Семенович поморщился:

– Все остальные отказались, а я не кадровый военный и подобной роскоши себе позволить не могу.

– Но все-таки он хороший парень.

– Безусловно! – улыбнулся Михаил Семенович, принимая у нее чашку с чаем. – И хороший, и добрый, и заслужил свое место безупречной службой на подводной лодке, ибо лодка – это трамплин. Только от безупречной службы не появляется ни ум, ни эрудиция, ни склонность к научной работе, как бы нам ни хотелось, чтобы было иначе. Ах, Ирина Андреевна, сердце кровью обливается, когда видишь, что талантливые ребята остаются за бортом, а приходят чьи-то детки или такие вот дуболомы, и неизвестно еще, что хуже. Детки еще могут повзрослеть, если попадут в правильные руки, а эти... Ах, он жизнью рисковал на боевом посту! Прекрасно, я за него горд, но все же он не погиб и попал в адъюнктуру, а не в рай, где уже можно ничего не делать.

Ирина улыбнулась. Михаил Семенович прав, научная работа – это не только дело всей жизни, но и в первую очередь престиж, и рвутся туда не по зову души, а за материальными благами. Ученые степени и научные звания дают прибавку к жалованью, право на дополнительные квадратные метры, выезды за границу на конференции, в общем, существенно обогащают жизнь, поэтому становятся целью, а не способом признания реальных заслуг. Настоящая наука существует где-то на периферии, благодаря подвижникам, которые зачастую так и пропадают в неизвестности, порой даже не успев передать свои идеи следующим поколениям, а официальная научная жизнь вся кипит в интригах вокруг званий, регалий, публикаций и прочей мишуры. Прорывные идеи не только не помогают двигать локомотив советской науки, прекрасно идущий на холостом ходу, но и откровенно мешают заслуженным ученым мужам. Это же, надо вникать, менять собственные косные модели мышления, потом рисковать навлечь на себя гнев вышестоящих... Да ну его к черту, этого новатора! Самый умный, что ли, он? А скромность, присущая великим умам, мешает новатору утвердительно ответить на этот вопрос, и он сникает, уходит в тень...

– Самое смешное, что пока они не защитились, так ведут себя тише воды ниже травы. Заглядывают в глаза, приседают, так что поневоле думаешь: ну как же не помочь такому скромному самокритичному товарищу? Спрашиваешь себя, Михаил Семенович, сможешь ли ты спать спокойно, если бросишь это беззащитное существо, и, само собой, понимаешь, что нет. И ты просеиваешь все его бредни в поисках крупницы здравого смысла, выстраиваешь что-то, хоть отдаленно похожее на научную работу, и краснеешь на его защите, потому что никто кроме тебя не знает, что ты выжал максимум из этого сырья. И уговариваешь коллег, и они соглашаются кинуть белый шар только лишь потому, что через месяц сами приведут на ученый совет точно такого же малахольного соискателя... В общем, протезе твой с грехом пополам защищается, а через месяц смотришь, бац, а он уже корифей. Уже покрикивает на коллег, и о чем-то судит, и с тобой общается на равных и даже свысока.

– Что есть, то есть, – улыбнулась Ирина, – но Витя, мне кажется, не такой.

– Ох, Ирина Андреевна, это про каждого так думаешь... Ах, как не помочь такому чудесному мальчику, у него же мама не переживет, что родила сына-идиота. А тот честно отслужил, геройский герой, а что зво?нит и ложит, так наплевать на то.

– Попробуйте варенье, – Ирина чуть подвинула хрустальную вазочку на высокой тонкой ноге.

Михаил Семенович послушно взял. С ложечки сорвалась капля, но гость успел подставить блюдце, и скатерть не пострадала. Малиновое варенье вдруг вызвало у Ирины ассоциации с кровью, и она поморщилась, отгоняя эту неприятную мысль.

– Так и живем, – продолжал Башмачников, – каждый думает, что от одного лишнего бездаря в науке ничего не изменится, и сами не замечаем, как серость поглощает живую мысль. Ведь почему умирают научные школы, Ирина Андреевна? Именно потому, что они становятся престижными и туда идут уже не по зову сердца, а за деньгами и статусом, и в итоге масса дураков становится критической.

Ирина сочувственно вздохнула, а сама подумала, как хорошо, что Гортензия ушла на просветительную работу. Иначе они с гостем до вечера сливались бы

в экстазе, что вот раньше-то было настоящее образование, оценки ставили строго, но честно и знания давали такие, что средний человек после школы мог жить насыщенной и интересной жизнью, но в то же время понимал, что институт ему не по плечу, и, довольный, шел трудиться на завод. А теперь всякую серость тянут за уши, чтобы показатели не портить, так что эта серость от учебы даже не устаёт и ошибочно считает, что ей подвластны любые горизонты науки. Может, оно и справедливо, но поднадоела уже эта филиппика.

– Знаете, бывают такие несносные дети, – Михаил Семенович положил себе еще варенья, – вся группа дружно идет в зоопарк, держатся за руки, поют песенки, мечтают увидеть обезьянок, и тут посреди этой благодати один ребенок вдруг валится на асфальт и выдает примерно следующее: «А никуда я не пойду, и хрен вы мне что сделаете!»

Ирина фыркнула. Ситуация была знакома ей не понаслышке.

– Когда все остальные дети хотят идти, а направляют их опытные воспитатели, то эта выходка обычно быстро купируется, но представьте, когда таких детей больше половины? Есть большой риск, что обезьянок они так и не увидят.

– Надеюсь, не все так плохо.

– Не все. Но Витя, увы...

– Зачем же вы поручили ему разрабатывать такую сложную тему?

– Чтобы он хоть чуть-чуть хлебнул настоящей науки и понял, чему собирается посвятить жизнь. Ирина Андреевна, а не хватит ли мне брюзжать? Не перейти ли к делу?

– Перейти.

– Уверен, что у вас есть какие-то соображения...

Ирина развела руками.

– Понимаете, я чувствую перспективу, – горячо продолжал Михаил Семенович, – но наука тем отличается от искусства, что опирается на факты, а не на фантазии.

Ирина пожала плечами. Она почти физически ощущала, как ее хотят вовлечь в борьбу, и решила прикидываться дурочкой до последнего.

– Но дело, в общем, не в нашей с Витей карьере, а в том, что количество этих выродков растет по экспоненте, а у нас на вооружении ничего нет, кроме традиционных методов сыска. Буквально война на пороге, а мы не готовы.

– Традиционные методы тоже работают, – заявила Ирина, – если применять их добросовестно и с умом.

Башмачников вскинулся так, что зашатался хлипкий дачный столик:

– Ирина Андреевна, дорогая вы моя, вы что же думаете, я не могу себе другую тему найти, попроще и побезопаснее? Уверяю вас, я полностью состоялся и как врач, и как ученый, и мне совершенно нет никакой необходимости карабкаться на баррикады, а про Витю я вообще не говорю. Дам ему разрабатывать олигофренов, так он только счастлив будет, ибо они ему практически братья по разуму.

Ирина усмехнулась.

– Мне это все нужно только потому, что я гражданин и хочу выполнить свой гражданский долг. Сейчас, в свете сегодняшней статистики, проблема кажется надуманной, даже фантастичной, и уж всяко не стоящей того, чтобы тратить силы и средства на ее тщательное изучение. Подумаешь, раз в десять лет появляется ублюдок, жаждущий убивать ради убийства, ведь его жертвы – это даже не капля в море в общей статистике преступлений. Он все равно что орфанное заболевание – да, тяжелое, да, интересное для изучения, но случаев так мало, что вложенные в изобретение лекарств средства не отобьются никогда. Только в случае маньяков ситуация в корне изменится еще при нашей с вами жизни.

– Вы не слишком пессимистичны?

Михаил Семенович, нахмурился, покачал головой:

– Отнюдь. Беспросветное существование рождает чудовищ. Нищета, пьянство, безотцовщина, безразличие матери от крайней измотанности – все это, дорогая моя, факторы очень нехорошие и во времени нарастают как снежный ком. Невротик воспитывает тяжелого невротика, тяжелый невротик – психопата, психопат – маньяк-убийцу. Патологические династии... Мы не в силах влиять на социальное устройство, но можем хотя бы придумать, как вычислять серийных убийц. Это в наших силах, и поэтому я прошу вашей помощи, Ирина Андреевна.

– Тайна следствия – это серьезное дело, Михаил Семенович.

Фыркнув, гость лукаво погрозил ей пальцем:

– Ах, Ирина Андреевна, дорогая вы моя, или вы хотите мне сказать, что не знаете, как у нас все решается? Вот уж позвольте не поверить! Макаров мог бы нам помочь, ведь он когда-то сталкивался, не понаслышке знает, что это такое. У вас нет на него случайно выходов?

Ирина поднялась и пошла за сумочкой. После долгих поисков та обнаружилась в капюшоне Володиной коляски, а тут и сам Володя возмутился, что его долго не берут на ручки.

С сыном на руках Ирина с трудом перелистала записную книжечку и продиктовала Михаилу Семеновичу номер приемной прокурора.

– Пусть Витя запишется к нему на прием по личным вопросам.

– Там же очередь наверняка на год вперед...

– Сейчас лето, так что, может быть, и нет.

Михаил Семенович скрыл свое разочарование под залпом комплиментов ей и Володе и отбыл, попросив разрешения как-нибудь еще злоупотребить ее гостеприимством.

Вскоре вернулась Гортензия Андреевна, и, хоть выразила сожаление, что не познакомилась с таким интересным человеком, видно было, что это неправда.

– Вообще-то очень странно, что он сорвался из города в непогоду только ради того, чтобы преподнести экземпляр своей книги малоизвестной женщине, – сказала она сухо.

– Ничего удивительного, он просто надеется через меня выйти на прокурора города. Видно, больше никто в его окружении помочь не в силах.

– А вы?

– А у меня нет на Макарова выхода.

– А у меня, как ни странно, есть, – вдруг заявила Гортензия Андреевна.

– Как это?

– В свое время я учила его дочку, и, хоть категорически не приемлю блат, а его жена считает меня старой дурой, ради хорошего дела я готова через это переступить.

Ирина поморщилась. Почему жизнь всегда ткнет носом в то, что хочется забыть? Судьба свела ее с Макаровым, когда она была еще совсем юной и неопытной судьей, а он тоже юным прокурором района, чуть ли не самым молодым за всю историю.

Она как раз ждала Егора, и благодаря сочетанию неопытности и беременности ей расписывали самые простые и не кровавые дела. Таким на первый взгляд казалось дело о дорожно-транспортном происшествии, но как только она начала его рассматривать, так картинка, нарисованная следствием, посыпалась. Там был замешан настолько высокопоставленный чиновник, что следователь даже не сильно старался, выгораживая его, видимо, думал, что у судьи от громкого имени парализует волю и мозг. Но Ирина тогда была поглощена семьей, мечтала быть домохозяйкой, о карьере не беспокоилась, зато считала, что раз уж приходится трудиться, то надо делать это добросовестно.

Вот она и начала вникать и перенесла заседание, а на следующий же день к ней прискакал Макаров, с трудом скрывающий ярость под обходительными манерами и снисходительной улыбкой.

Встретив Федора Константиновича впервые, Ирина была сильно впечатлена. Статный, высокий, длинноногий, косая сажень в плечах, мечта, а не мужчина. Лицо его прекрасно подходило к высказыванию «если мужчина чуть красивее черта, то он уже великолепен», и ясно, что из юридических дам влюблена в него была не только одна Ирина.

Он казался суровым, смелым и мужественным человеком, и порой она позволяла себе помечтать, какой хорошей женой и преданной соратницей могла бы стать для прекрасного прокурора. Просто сладкие грезы, рудименты детской влюбленности, ничего больше.

И вот этот герой сам к ней приехал и принялся очень вежливо уговаривать молодую и неопытную, да к тому же еще в интересном положении даму не делать глупостей, а быстренько вынести приговор и жить дальше.

Ирина слушала, а во рту становилось кисло от обиды, что этот удивительный красавец с репутацией человека, пробившегося исключительно благодаря уму, мужеству и таланту, мужчина, максимально приблизившийся к ее идеалу, оказался обычным лизоблюдом и холуем.

Она пыталась объяснить, что следствие проведено с грубыми ошибками, и виновный на самом деле является потерпевшим, и что она не готова просто так, не разобравшись, упечь на нары невинного, и Макаров вроде бы с ней даже согласился и заметил, как приятно видеть на судебском месте такую принципиальную и въедливую молодежь.

И как будто позволил ей действовать по справедливости, но адвокат подсудимого неожиданно взял больничный, потом свалился с какой-то хворью гособвинитель, а там Ирина ушла в декрет, и дело передали другому судье, который сделал все как надо.

Самое противное, что тот случай послужил толчком для первого крупного скандала между ней и отцом Егора. Муж орал, что она зря строит из себя самую умную, систему не переделывать, а надо жить по ее правилам. Все равно сильные

мира сего сделают как хотят, а если Ирина попробует помешать, то ее просто раздавят, а для гарантии и ее ближнее окружение, а он не хочет спустить свою карьеру в унитаз из-за строптивости жены.

Ссора была ужасная, и Ирина тогда впервые почувствовала омерзение оттого, что связала свою жизнь с таким ничтожеством, но быстро загнала это неприятное чувство в подсознание. Ведь самое страшное для женщины – это остаться одной, не правда ли? Ведь то, что у тебя есть муж, видят все, а что он трус и холуй, видишь только ты, поэтому надо, как пел Высоцкий, «стиснуть зубы да терпеть».

К счастью, муж сам ушел, а то она бы до сих пор терпела, и страшно подумать, во что бы превратилась.

Карьера Макарова развивалась стремительно, и вскоре Ирина стала для него совсем мелкой сошкой, но, если изредка приходилось сталкиваться, он всегда улыбался, называл ее по имени и отчеству, будто она и не пыталась никогда ему перечить. Порой ей хотелось думать, что он тогда внял ее доводам и процесс заволокитился до ее декрета по чистой случайности, но из надежных источников она знала, что Макаров высоко взлетел именно потому, что точно знает, кого можно привлекать к ответственности, а кого нет. Например, детки первых лиц могли хулиганить как хотели и спать при этом совершенно спокойно. И расхитителям социалистической собственности выше определенного уровня тоже было особенно не о чем волноваться.

С годами он не расплылся, как многие высокопоставленные чиновники, а наоборот, стал суше, резче, интереснее, а манеры сделались еще тоньше и обходительнее. Про себя Ирина называла его «царедворец». Возможно, он бы принял ее и вник в проблему, все же при всем своем холуйстве Макаров был очень даже не дурак, но Ирина не хотела ни при каких обстоятельствах быть обязанной ему.

– Ах, Гортензия Андреевна, он прислушивается только к сильным мира сего, нам с вами нет смысла даже пытаться.

– Очень хорошо, – сказала учительница, – потому что я бы предпочла не возобновлять общения с этим семейством.

– А что так?

– Злословить не хочу, а хорошего сказать нечего, – отрезала Гортензия Андреевна и принялась яростно вязать свой носок. Спицы угрожающе позвякивали.

Ирина взяла рубашку Егора, к которой уже три дня руки не доходили пришить пуговицу.

Карьера Макарова и правда стартовала с поимки маньяка. Повезло ему, что душегуб объявился именно в городишке, куда Федора Константиновича распределили после университета, иначе сидеть бы ему в той дыре не пересидеть.

Дело тогда было громкое. Все же городок вокруг завода – это не глухая деревня, но и не мегаполис, где всем на все плевать и маньяк может убивать много лет, прежде чем его преступления объединят в серию.

Там люди быстро поняли, что среди них завелся монстр, и стали настойчиво требовать от властей его поимки. После пятого убийства город стоял на пороге волнений, собирались прислать группу из Москвы, но тут молодой следователь Макаров вычислил преступника.

Ирина не помнила подробностей, кроме того, что маньяк, наводивший ужас на весь город, оказался каким-то пропитым алкашом, который не дожил даже до суда. Впрочем, это не удивительно: даже бытовые убийцы в большинстве своем имеют серьезный дефект личности, а уж что творится в душе маньяка, страшно представить. Та самая темная жажда, которая заставляет их совершать преступления, не дает и вписаться в общество.

Когда судили Кирилла, профессор сказал, что у маньяков есть одна общая черта – они ничтожны, и пока это единственное утверждение, с которым можно согласиться и выносить на суд ученого сообщества. Да, в одном случае маньяк занимал высокий пост, но только благодаря тому, что родился в семье крупного руководителя.

Интересно, кстати, позволят ли Вите и Михаилу Семеновичу работать с этим случаем? Было бы неплохо, ведь тут маньяк как раз не расстрелян, а находится

на принудительном лечении, и психика его доступна для исследования. Только если его признали невменяемым по блату, то по этому же самому блату могут и запретить проводить с ним научную работу. А вот маньяка, пойманного Макаровым, почему бы не включить? Дело давнее, конечно, но срок хранения не вышел, все бумаги должны лежать в архиве, и история такая жуткая, что люди наверняка живо ее помнят.

Да, хорошо бы расспросить Макарова, ему, наверное, приятно будет вспомнить молодость, но боже мой, как не хочется связываться с ним...

- С другой стороны, - вдруг сказала Гортензия Андреевна, отложив вязание, - если бы люди по деловым вопросам общались только с теми, кто им нравится, человечество до сих пор не вылезло бы из пещер и шкур.

?

Федор любил ездить в Москву ночными поездами. Нравилось засыпать под стук колес в мерно покачивающемся вагоне, нравились стальные подстаканники и темный тягучий чай. Злые языки утверждали, будто проводницы для цвета добавляют соду, чем экономят на заварке, но Федор все равно пил железнодорожный чай и потом с удовольствием ложился на хрустящие, но все равно чуть влажные простыни спального вагона.

Иногда везло с попутчиками, иногда не очень. Если попадалась женщина, то Федор деликатно выходил из купе и подолгу стоял у окна в коридоре, глядя, как болотистый лесок сменяется полем, потом проносится мимо ряд изб, то мрачно-бревенчатых, а то, наоборот, выкрашенных в веселенький голубой цвет, крепких или не очень, но с обязательно покосившимися сенями.

Зимой, а особенно поздней осенью, ночь накрывала землю рано, и в темноте угадывались только очертания домов да горели уютным теплым светом одинокие окошки, а иногда и вовсе ничего не было видно. Зато летом солнце, давно ушедшее за горизонт, долго еще освещало небо чудесным и немного таинственным теплым светом, и видно было далеко, как днем.

Наверное, ему просто нравилось быть пассажиром, хоть на несколько часов выпасть из привычного хода жизни ни на что не влияя и не принимая

решений.

Но в этот раз секретарша взяла ему билеты на самолет, несусветная глупость. Аэропорт далеко, приезжать надо заранее, рейс могут задержать или вообще отменить, и в итоге времени потратишь столько же, а нервов в сто раз больше. Федор хотел выругать секретаршу за самоуправство, но сообразил, что лето, пора отпусков, все билеты раскуплены, а к кому обратиться, девчонка еще не знала, вот и взяла на самолет, а теперь расписывает ему удобства авиаперевозок.

В Москве его приняли так хорошо, что стоило потерпеть неудобную дорогу.

Не сказали ничего определенного, но опытный аппаратчик Федор видел, что отношение к нему сильных мира сего неуловимо изменилось. Его приветствовали как своего, представляли руководителям, от которых прежде он удаивался только милостивого кивка, и принимали в откровенные до интимности беседы. Высокий чин из прокуратуры спросил, как здоровье не просто супруги, а Татьяны Ивановны, и это был красноречивый признак, что скоро его переведут в Москву.

Опустившись в кресло самолета и пристегнув ремень, Федор закрыл глаза и погрузился в мечты о своей будущей московской жизни. Другая должность, другая специфика работы, но он быстро вникнет, об этом волноваться нечего.

Татьяна, ясное дело, поедет с ним. Губы подует, конечно, чтобы он понимал, на какие жертвы ей приходится идти ради семьи. Ну да, должность доцента кафедры истории университета ей в Москве вряд ли предложат, придется искать что попроще, но мужа одного она точно не отпустит. Зато Ленка в Ленинграде останется, что отлично, а то от ее скандалов с матерью дома сделалось совершенно невыносимо. Пусть поживет сама, хлебнет самостоятельности полным ртом, может, начнет что-то проясняться в голове.

Федор улыбнулся. Нет, пожалуй, до должности Генерального прокурора ему не дорасти ни при каких обстоятельствах. Надо это понимать, но попытаться стоит, а там как знать...

Вдруг его славный путь будут еще ставить в пример будущим поколениям?

Тут на ум пришла Гортензия Андреевна, и настроение испортилось. Вообще визит Ленкиной первой учительницы беспокоил, как гвоздь в ботинке, вроде бы привык, притерпелся и забыл, но другой раз неловко наступишь, и ужалит.

Старуха позвонила ему домой, потребовала аудиенции так, будто имела на это право, и в назначенный час явилась к нему на службу в компании опального Башмачникова и какой-то горы мускулов с безмятежной улыбкой.

Федор поморщился. К Башмачникову в их среде было двойственное отношение, что-то вроде корпускулярно-волнового дуализма. Его теории, в чем бы там они ни состояли, считалось модным обсуждать среди жен, и книга его тоже читалась с удовольствием, но сам Михаил Семенович был, что называется, не вхож. Слишком смелый, слишком неудобный, слишком опасный. Сходить к нему на прием – да, пригласить в дом – нет, нет и еще раз нет. Заплатить за этот прием круглую сумму – пожалуйста, оказать протекцию – ни в коем случае.

Фамилия его была на слуху не только из-за смелых идей, но и главным образом потому, что Башмачников был тем самым строптивым родственником Тумановых, не желавшим отдавать им дачу, и ленинградский бомонд отвергал его именно поэтому. Зачем вставать на сторону врага королей дефицита? Новая финская мебель всяко дороже, чем дружба с психиатром, пусть и доктором наук.

Федор тоже не собирался портить себе жизнь невыгодной дружбой, но из любопытства хотел спросить, насколько обоснованными были притязания Башмачникова на тот участок и с какой целью он, отступая, засыпал землю каким-то говном? Жест, конечно, эффектный, но мало вяжущийся с образом интеллигентного человека.

Но Башмачников заговорил сразу с порога, и мысли о чужих семейных дрязгах тут же вылетели у Федора из головы.

Он кивал, улыбался, а в груди поднималось что-то противное, холодное и липкое. Может быть, страх, а может, что-то еще.

Федор попросил секретаршу сделать чаю, сам состроил максимально доброжелательную и заинтересованную физиономию, задал несколько вопросов, не столько из любопытства, сколько показывая, что вник, и заключил, что тема действительно важная, поэтому Башмачников может всецело рассчитывать на

его поддержку.

Если в городе вдруг появляется маньяк, то такие дела он берет под свой личный контроль, поэтому сотрудничество психиатров со следствием будет согласовано.

После ухода Башмачникова Федор долго ходил по кабинету, смотрел в окно, и только к вечеру удалось слегка привести мысли в порядок, а успокоился он только на следующее утро.

Вдохнул аромат свежемолотого кофе и овсяной каши на молоке, и понял, что жизнь идет прежним порядком, и беспокоиться не о чем. Прошло без малого двадцать лет, и те, кто знает правду, давно мертвы, а остальные пусть говорят что хотят.

Но все-таки вспоминать о той встрече было неприятно.

Федор сел поудобнее в кресле и подумал, что маньяков хватает здесь и сейчас, и Башмачникову совершенно не нужно ехать за этим добром двадцатилетней давности на другой конец страны. Все обойдется.

Он огляделся. Посадка закончилась, сейчас стюардессы должны рассказать о правилах безопасности и раздать конфетки «Взлетные». У него даже рот наполнился слюной, так захотелось кисленького, но хорошенькая девушка в аэрофлотовской форме и с учительским пучочком на голове вдруг наклонилась к нему и вполголоса спросила, не согласится ли он поменяться местами с беременной женщиной. Федор встал.

– Да, да, конечно.

Отступив, он смотрел, как девушка усаживает на его место бледную женщину с огромным животом и опухшими губами. Вид у нее был такой, будто она начнет рожать через секунду.

Федор поморщился. Вид женщин в интересном положении всегда вызывал у него тоску, но пришлось ждать, пока стюардесса отведет его на новое место.

Хорошее настроение испарилось без следа.

Новое место оказалось в самом конце, возле туалета, и Федор запоздало подумал, что мог бы и отказаться. В конце концов, это не он зачихнул в самолет бабу на сносках, то было ее собственное разумное решение.

«Интересно, хоть кофе принесут?» – вздохнул он, устроил дипломат на багажной полке, посмотрел на соседку и расстроился окончательно.

Девушка показалась ему некрасивой, скучной и серьезной, но он все равно поздоровался. Она кивнула и вернулась к чтению.

Федор сел, пристегнулся, случайно взглянул на страницу ее книги и не сдержал удивленного возгласа.

Девушка захлопнула толстый зеленый том.

– Извините.

– Нет-нет, это я виноват. Нельзя заглядывать в чужое чтение, но я случайно.

Она пожала плечами:

– Мы слишком близко сидим, так что без вариантов.

– Вы читайте, читайте.

– А вы не будете шокированы?

Федор сказал, что он прокурор и всякое повидал, так что картинки из учебника по медицине для него тьфу, в отличие от беременной женщины, которая, наверное, из-за этого сейчас родит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/mariya-voronova/zhertva-pervoy-oshibki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)